

Юлия Тупикина, iosono@yandex.ru

НАВСТРЕЧУ УТРЕННЕЙ ЗАРЕ

В пьесе процитированы стихи поэтов: Евгений Евтушенко, Илья Фоняков, Евгений Храмов, Юлия Друнина, Анатолий Преловский, Пётр Реутский, Николай Беседин.

СИМА – 22 года
МИША – 30 лет
НАДЯ – 50 лет
ГЕНА – 45 лет
КОЛЯ – 45 лет
БОРЯ – 85 лет
РОМА – 27 лет
НАТАША – 50 лет
ВАЛЕНТИН – 60 лет
МЕДВЕДЬ – вне возраста

1.

Боря в тапочках и вязаной жилетке сидит в кресле и читает газету с лупой. Вечер, горит торшер. С кухни доносятся уютные звуки шкворчащего сала, на котором жена Бори, Женя, жарит картошку, шумит чайник, хлопает дверца холодильника – музыка простого семейного счастья греет душу. Боря читает объявления:

- *Сотовый поликарбонат, парник «Агроном», теплицы, капельный полив, механизмы для открывания форточек.*
- *Продам дачу «Лесославцик» Дунайка. Дача в кооперативе «Радуга», очистные (дом, баня, 2 ёмкости для воды, гараж, 2 теплицы и ягодные насаждения). Продам дачу на Коврижке кооператив «Металлург» 150 тысяч рублей. Дачу на 17км кооператив «Ягодка» (дом, теплица поликарбонат 12х6, баня).*
- *В лесозаготовительное предприятие требуются водители на вывозку леса (опыт работы от 3 лет, з/п достойная, вахта). Требуются разнорабочие на свинарник. Требуется бригада в лес. Требуются: валильщик, тракторист на «МТЗ-82». Требуются разнорабочие в лес. Требуются (центр): повар-универсал, пекарь (пирожки).*

БОРЯ (кричит в кухню). Женя, огурцов солёных достань! Слышишь? Огурцов, говорю, достань, и капуста.

На кухне поёт Лидия Русланова. Боря читает дальше: «Ветераны – наша гордость! На прошлой неделе ветеранская организация Правобережного округа открыла 6-й год обучения поездкой активных слушателей школы в архитектурно-этнографический музей «Ангарская деревня». Поездка состоялась в декаду пожилого человека, когда была возможность

бесплатных посещений для сохранения небольшого бюджета пенсионеров. Мы с удовольствием осмотрели оба сектора – эвенкийский и русский, полюбовались на хитрого мишку – конфеты съедал с удовольствием, а обёртки аккуратненько выплёвывал! Эвенкийский чумы, старинные русские избы, огромные подворья, предметы быта – всё дышит стариной. Некоторые экскурсанты восторженно ахали – совсем как у нас в деревне! Завершением поездки стало весёлое, с песнями и пирогами, чаепитие в чайной».

(кричит в кухню) Жень! Ну скоро уже? Пирожки остались?

Из кухни выходит медведь.

МЕДВЕДЬ. Как настроение?

БОРЯ. Хорошее.

МЕДВЕДЬ. Ну вот, а говорили, не справишься.

БОРЯ. А где Женя?

МЕДВЕДЬ. Так умерла твоя Женя. Сорок дней вчера собирали. Эх, Боря-Боря. Ты бы к врачу ходил. С друзьями встретился. Нельзя же так. Ничего не поделаешь, умерла Женя, старенькая была.

БОРЯ. Как умерла?

МЕДВЕДЬ. Так.

БОРЯ. А ты кто?

МЕДВЕДЬ. А ты не узнаёшь меня что ли? Ну-ка взглядишь, товарищ Кошкин. В глаза посмотри.

2.

МЕДВЕДЬ. Братская земля богата, и сребра де добре много, а коней, и коров, и овец, и верблюдов бесчисленно, и ждут к себе государевых служилых людей, хотят тебе, великий государь, поклониться и ясак платить мягкой рухлядью, и со служилыми людьми торговати. Бо вторгаются монгольские князцы на землицу братскую и колышут покой бурятских князцов данью непомерной. Но найти человецев в тайге трудно. И ежели нашёл ты бурятов с тунгусами да прочих инородцев, то сразу бери ясак, дело сделано. Было, приплывал Яков Хрипунов, воевода, со дружиною на трёх десятках судов, хотел великий ясак - пушного зверя соболя - насильственно взяти. Не согласились буряты, побили воеводу. Максим Перфильев, атаман, уговорил, построил острожек, ясак стал брати. Но взбунтовались бурятские князцы: Ясаку, де, мы с себя ни в которую землю не даём. Отряд Дуная Васильева истребили, острожек сожгли. Боярский сын Микула Радуковский со своими казаками построил новый острожек, на правом берегу устья Оки, да недолго пробыл острожек, сожгли. Тогда атаман Поздей Фирсов перенёс его на левый берег Ангары и Оки – четыре башни высокие, под тремя башнями три избы, четвёртая порожня, да ворота проезжие, на них часовня, да амбар новый, срублен с прирубом трёх сажень печатных. Вкруг сто двадцать сажень, ставили служилые двадцать три человека, да пашенные крестьяне и промышленные двадцать человек. Но к нам, государь, из вольных и гулящих людей в пашенные крестьяне

селится мало, селить некого, охочих, государь, нету. Итого у нас 25 дворов, из них 9 пашенных крестьян, 10 хлебных оборотчиков, 14 бобылей, 1 бездворный крестьянин, 9 душ детей боярских, 9 детей казачих, 39 служилых, 9 отставных служилых, 5 дворовых людей, 6 богадельников, 3 присыльных, 6 гулящих, 3 нищих. Тайга человеками незнаема, страна мраков.

3.

Музей истории Братской ГЭС. Наташа и Надя стоят возле палатки первых строителей. Наташа выглядит женственно и безопасно, как мать – это приталенное платье, большие распахнутые глаза, локоны, золотое скромное колечко – всё успокаивает, активизирует твоё дружелюбие. Надя выглядит опаснее – Надя носит красное и облегающее, или блестящее, или крупное украшение, или позволяет себе громко смеяться. Надя, безусловно, ещё волнует некоторых мужчин, но осталось недолго.

НАДЯ. Решение о строительстве Братской ГЭС было принято в сентябре 1954, строительство объявлено ударной комсомольской стройкой, и осенью того же года в Братск прибывают первые рабочие и техника. 9 декабря 1954 года у Падунского порога на левом берегу Ангары установлена первая палатка. Всего в Зелёном городке 120 огромных армейских палаток, в каждой от 50 до 70 человек. Холодно, и за ночь косички примерзают к железным спинкам кроватей и к брезенту.

НАТАША. Ты, главное, не волнуйся, всё хорошо, школьники особо не слушают.

НАДЯ. Ну как? Вдохновляю?

НАТАША. Да, так и дави, дави на героизм – вот, мол, люди себя не жалели ради родины – такое.

НАДЯ. А, вот, про Наймушина послушай ещё. Имя Ивана Ивановича Наймушина вписано в историю города Братска – это великий гидроэнергостроитель, начальник строительства Братской ГЭС и больше – создатель и начальник Братскгэсстроя – легендарной организации, построившей в Сибири города и промышленные гиганты. Организации, аналогов которой не было и нет не только в России, но и в мире: 60 тысяч рабочих, 10 тысяч инженеров, мощнейшая техническая база, широкая география строительства, уникальные объекты. Родился Иван Иванович в Кировской области, в семье слесаря, рано остался сиротой, воспитывала его соседка. Однажды произошёл такой случай: его, ребёнка, попросили присмотреть за малышом. Так получилось, что Ваня заигрался на речке, и малыш утонул. Ваня так испугался, что убежал из родной деревни и стал беспризорником.

НАТАША. Ну тут можно без деталей – просто, сирота – и сразу беспризорник – зачем чернить светлый образ? И к «Войне и миру» переходи.

НАДЯ. Хорошо. Учился читать будущий гидроэнергостроитель по вывескам в Красноярске, где жил в батраках. И когда в тридцать первом году решил поступить на рабфак в Ростов, не мог удовлетворительно написать диктант. И здесь проявился характер Наймушина – чтобы изучить русский,

он сел переписывать роман Толстого «Война и мир», вечерами, после работы. И диктант дался.

НАТАША. Отлично, хорошо. Упор на то, что надо стараться, учиться, да. Ну, больше не буду слушать, сама справишься. Хотела только сказать: не стесняйся образов. Образы – это то, что люди запоминают лучше всего. Например, гидромедведь – обязательно расскажи, что Иван Иванович так прозвали американцы – их министр энергетики. За его крепкую фигуру, сутулость, ну и характер. Гидромедведь – это сразу впечатывается в памяти.

НАДЯ. Ну и символ России – медведь.

НАТАША. Да, это патриотично. Вообще, побольше патриотизма.

НАДЯ. Про Озерлаг если спросят?

НАТАША. Ну спросят – ответ: мол, да, был здесь Озерлаг, но Иван Иванович не хотел связываться с заключёнными, это была комсомольская стройка.

НАДЯ. Хорошо, Наташа, спасибо тебе, так выручила с этой работой.

НАТАША. Да прекрати, мы же подруги.

НАДЯ. Наташ, ну правда: всё навалилось – здоровье это, а тут ещё Симка и вся эта история.

НАТАША. Как там Мишка?

НАДЯ. Миша хорошо, надежда моя. Катер они купили, на дачу летом возили меня. Всё хорошо, работает в Иркутскэнерго по-прежнему, командировки-командировки, работа хорошая.

НАТАША. Ну слава богу, внуков-то когда?

НАДЯ. Ну вот Сима должна родить пацана. А Миша с Катей потеряли, замершая беременность.

НАТАША. Ну бог даст, бог даст. Ты-то сама ещё невеста.

НАДЯ. Ой, я тебя умоляю.

НАТАША. Ну а что? Надо пристроить тебя.

НАДЯ. Ой, Наташ.

НАТАША. Ну а что? Есть идея. Надо собрать воспоминания о ГЭС, вот и походи, ты теперь наш новый экскурсовод, собирай у интересных мужчин. Слово за слово.

НАДЯ. Интересные дела.

НАТАША. Ладно, обсудим, побежала. Ну всё, Надьк, оставляю тебя за старшую, если что – звони, в экстренных случаях, но я в роуминге буду, сама понимаешь, лучше вотсап.

НАДЯ. Ой, страшно мне. Наташ, а когда эта ярмарка уберётся цыганская из холла?

НАТАША. Когда все унты продадут. Ещё месяц.

НАДЯ. А что там за товарищ в шапке ходит?

НАТАША. Это? Борис Петрович, кажется, наш ветеран Братскгэсстроля.

Шапку не снял. Ну всё, меня нет. Все ключи в столе.

Наташа уходит. Надя ставит пластинку в патефон, поёт Лидия Русланова. Заходит группа школьников, Надя проводит экскурсию по музею. Перед глазами школьников встаёт грандиозная стройка Братской ГЭС: котлован и столбы опор ЛЭП-220, а потом ЛЭП-500, перекрытие Ангары со льда (8 экскаваторов и 220 самосвалов), укладка бетона в тело плотины, вырубка леса под водохранилище, затопление огромной территории и

образование Братского моря, запуск в 1961 году первого гидрогенератора, первые жд-поезда и автомобили, которые запущены в 1965 году по гребню плотины, запуск всех 18 гидрогенераторов в 1966 году. Школьники рассматривают огромные статуи Наймушина и главного инженера Гиндина, которые стоят в музее. Конец экскурсии, школьники уходят. Надя устало ковыляет на каблуках, она очень хочет пить. В палатке, прямо на металлической кровати, к которой примерзали косички, она видит человека с медвежьей головой, он, кажется, спит. Медвежья голова сделана из шапки-ушанки и газетной бумаги. Надя трогает его за плечо.

НАДЯ. Эй.

БОРЯ. Да.

НАДЯ. Ну.

БОРЯ. А где Наташа?

НАДЯ. В отпуске. А вы кто?

БОРЯ. Гидромедведь.

НАДЯ. Кто?

БОРЯ. Гидромедведь.

НАДЯ. Мужчина, вы почему на экспонат легли? Вы давайте-ка уходите, а.

БОРЯ. Тут всё моё, я построил этот город.

НАДЯ. Так а вы же Борис, как его, Петрович, да? Мне Наташа сказала. Вы же ветеран, да?

БОРЯ. Нет, меня зовут Иван Иванович Наймушин.

НАДЯ. Мужчина, я тут не буду с вами шутки шутить, давайте-ка встанем и пойдём из музея, пока охрану не вызвала.

БОРЯ. Нет у вас здесь никакой охраны, вахтёрша толстая на первом этаже да цыгане с унтами.

НАДЯ. Борис Петрович, давайте не будем.

БОРЯ. Вас как зовут?

НАДЯ. Надежда.

БОРЯ. Посмотри мне в глаза, Надежда.

НАДЯ. Ну.

БОРЯ. Узнаёшь? В меня вселился Наймушин.

НАДЯ. Так, давайте это потом обсудим, а? Вечер, идите домой. Мы закрываемся.

БОРЯ. Не могу идти домой.

НАДЯ. Почему?

БОРЯ. Потому, Надежда, он велел мне идти к людям и говорить. Надо что-то делать.

НАДЯ. Кто? В смысле?

БОРЯ. Братск погибает. Молодёжь бежит. Мы вахтовым городом что ли станем? Для чего тогда я строил? Для чего школы, больницы, предприятия? Столько электроэнергии для чего?

НАДЯ. Давайте вашим родственникам позвоню, они вас заберут?

БОРЯ. Нет у меня никого. Жена моя Клаша разбилась на вертолёте в 1973.

НАДЯ. Так и вы разбились с ней? В смысле, Наймушин.

БОРЯ. Надежда, возьми меня с собой, Надежда. Напои чаем с мёдом. Ты где живёшь? Мне люди нужны. Не могу один находиться. Люди нужны. На

табуреточке посижу, погреюсь среди людей. На диване постелишь, или раскладушка есть у тебя? Пойдём к тебе.

НАДЯ. Вы с ума сошли? Нет, конечно.

4.

Миша и беременная Сима валяются на диване перед телевизором в квартире своей матери, Нади. Миша ест пирожки с картошкой, Сима щёлкает кедровые орехи. Кедровые орехи - обобщённое название употребляемых в пищу семян нескольких видов растений из рода Сосна (также называемых кедровыми соснами). Чаще всего в России кедровыми орехами называют семена кедровой сосны сибирской (Pinus sibirica), тогда как семена настоящих кедров несъедобны. Ядра орешков очень вкусные и содержат много полезных питательных веществ: кедровое масло, азотистые вещества (незаменимые аминокислоты), углеводы (фруктоза, сахароза, глюкоза, крахмал), микроэлементы (марганец, медь, цинк, кобальт, йод) и витамины А, Е, Г. В остальном квартира Нади – самая заурядная, наполненная мебелью в течение девяностых, и это не массив сосны, а ДВП, локального производства. Конечно, тройные шторы из полиэстра, куда же без них, без них же неуютно.

МИША. Вкусные у матери пирожки.

СИМА. Вчера Дениса хоронили. Знаешь Дениса?

МИША. Нет, кто это?

СИМА. Санин друг. Повесился.

МИША. Мрак.

СИМА. Долги, в игровые автоматы ходил. Жена у него, ребёнку два года.

МИША. Оставил ребёнка? Красавчик.

СИМА. И долги оставил. Не знаю, как Оксанка будет разруливать. Что за город. Не наркоман, так игроман.

МИША. Ничего, будет лето, поедем с тобой на Зябу, на качелях качаться, куплю тебе виктории.

СИМА. С новорожденным, ага, как раз только на качелях качаться. Надо было уехать, уехать. Все поумнее уехали.

МИША. Говорил – куда торопишься? Замуж, замуж. Нагулялась бы, натанцевалась. Давай музыку врубим?

СИМА. А сам-то? Тоже со старших классов со своей Викой.

МИША. Не будем про Вику.

СИМА. Иди домой, мирись. Поссорились?

МИША. Не ссорились. Ты, это, прости, сестра.

СИМА. За что?

МИША. Ну что я, это, не защитил тебя, что ли. Поколение «Пепси» долбанное.

СИМА. Проехали.

МИША. Я же тогда с ним поговорил, а что толку. «Мы семья, разберёмся».

СИМА. Он всем так говорил. Намотыляет мне, а потом «Мы семья».

МИША. Знаешь, и хорошо, что умер.

СИМА. Да, хорошо.

МИША. Ты себе другого найдёшь. Классного.

СИМА. Паблик читаю, знаешь – «Петухи Братска». Одни женатые и врут, другие альфонсы. Познакомь меня с кем-нибудь.

МИША. Ну ты роди сначала.

СИМА. Кормилец нужен.

МИША (*передает Симе деньги*). Вот, возьми денег, на еду, там, витамины.

СИМА. Спасибо, Миша. А ты чего напился-то?

МИША. Да просто выпил. Соскучился по вам.

СИМА. Я когда он мне мотылял, в милицию же пошла – заявление писать. А они мне: нет, не будем дело заводить, вы семья. Не заводят и всё. К блатным тогда пошла – у Светки брат там, она попросила. Ну, и я, короче, говорю: так и так, помогите. Они с ним поговорили – так он им в уши напел тоже, какая я сука. Короче, пришла к матери. Она – ну что могу сделать. Я говорю, ну так приведи моего отца, где он? Должна же быть какая-то защита. Он же мне голову разобьет.

МИША. Блин, а ко мне чего не пришла?

СИМА. Ты в командировке был, как всегда.

МИША. Блин.

СИМА. Отца, говорю, дай, я же не из пробирки. Где он? А она – да он из города уехал. И всё, ничего не дала, ни телефона, ничего.

МИША. Может, и уехал. Хороший был мужик, учил меня скворечники делать. Дядя Гена.

СИМА. Три фотки только и есть.

МИША. Может, он изменился.

СИМА. Откуда знаешь? Может, теперь красавчик типа Джан Луки, видел? Миллионер итальянский в инсте. Может, он в Москву уехал и там рестик открыл.

МИША. Инста, рестик – говори нормально.

СИМА. Ресторан открыл. Он же повар. Может, небедный человек. Сеть у него ресторанов.

МИША. Да ну, Сим, какая сеть.

СИМА. А чего? Ты же не знаешь.

МИША. Не знаю. Но, может, он, наоборот, знаешь.

СИМА. Что наоборот?

МИША. Ну-у-у.

СИМА. Ну что? Что наоборот?

МИША. Да спился, что.

СИМА. Нет, конечно.

МИША. Ну почему тогда он тебя не нашёл до сих пор? Может, не искал?

СИМА. Это мать его выгнала, это их отношения.

МИША. Всё будет хорошо, лето наступит, поедem на Зябу, качели, виктория!

СИМА. Да что ты со своей Зябой опять.

Входят Надя и Боря.

НАДЯ. О, Мишенька пришёл, привет, родной.

СИМА. О, дочь родная, Симочка, мамочка так соскучилась!

НАДЯ. Ты кушал, Миша?

СИМА. Мишенька, будешь ням-ням? Мамочка тебе коко сварит.

НАДЯ. Прекрати, Сима. А это – Борис Петрович! Борис Петрович очень хотел у нас чайку попить.

БОРЯ. С мёдом.

НАДЯ. И с чёрной икрой. А потом домой ехать, да, Борис Петрович? Вы мне скажите адрес, я вам такси вызову, так и быть. Где, в Падуне живёте?

БОРЯ. Чай у вас с душицей хотя бы?

НАДЯ. А что? Без душицы не будете?

БОРЯ. Не траться на такси, Надя, тут заночую.

НАДЯ. Так, мы же обо всём договорились, Борис Петрович! Вы же клялись, что на полчаса максимум!

МИША. Mam, пойдём на кухню.

Миша и Надя уходят.

БОРЯ. Муж твой где?

СИМА. Вот так сразу. Хоть бы имя спросили.

БОРЯ. И как его зовут?

СИМА. Его уже никак не зовут. Умер он. Вдова я. Вот такая горькая жизнь.

БОРЯ. Кто же тебя теперь замуж возьмёт, такую горькую?

СИМА. Никто. Всё, с женатиками буду путаться до климакса.

БОРЯ. Меня на танцы зовут, на одного мужика десять старушек, тоже вдовы, как и ты, но не киснут, танцуют. Энергичный танец. Некогда мне, а так бы пошёл. Дело надо делать.

СИМА. Какое, интересно?

БОРЯ. Город поднимать. Ты посмотри, что творится? Не ездят к нам теперь, да и самолёты дорогие стали – из Красноярска дёшево, а из Братска не улетишь, бешеные тыщи.

СИМА. А я вообще ни разу не летала никуда. Неудачники не летают, на поездах ездят.

БОРЯ. А в Усть-Илиме вообще аэропорт закрыли, теперь там брёвна разгружают. Это какой-то регресс. Так мы опять в тайгу превратимся.

СИМА. Не превратимся – её вырубают.

БОРЯ. Ну в пустыню превратимся. В глушь. Молодёжь вся из города бежит. А мы в своё время сюда бежали. Мы, вообще, много бегали. Я Байкал зимой перебежал.

СИМА. Ого, это ж сколько бежать?

БОРЯ. День. Курица на одном боку, фляжка воды на другом – и вперёд. Ветер свищет, холодно, а мы в кроссовочках, одеты налегке, конечно – в шерстяные костюмы.

СИМА. А зачем?

БОРЯ. Что зачем?

СИМА. Зачем вы бегали в таких экстремальных условиях?

БОРЯ. Так сил было много, радость жизни большая, её пробежать надо как-то. Не кисли как ты, не ныли. Бегали.

5.

БОРЯ. Навстречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре, навстречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре. От Листвянки до Слюдянки по льду Байкала

восемьдесят пять километров, заночевали в Листвянке на турбазе и в семь утра выбежали, чтобы вечером на поезд попасть и домой, пока бежишь – столько передумаешь: стадион «Труд» построили вот этими руками комсомольцев, дом спорта тоже – после работы, Наймушин давал материалы, и мы после работы строить, стадион – дёрновое поле, дёрн собирали, вырезали, возили, Эдуард Стрельцов приезжал – знаменитый футболист – и наше поле, сказал, лучшее в стране, и спорт и физкультура страшно развиты, страшно, КЛБ – клубы любителей бега.

Навстречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре, навстречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре. А ещё эстафеты – автобус едет, бежишь час, потом садишься и другой бежит, следующий, потом следующий, и так семьсот километров, так мы бежали от Братской до Богучанской ГЭС, это уже немолодые, там и жена моя Женя, и дочь, и внук – приехали они из Москвы, и мы бегали, один раз устроили пробег на восемьдесят километров – другу моему было тридцать пять, мне сорок пять, в сумме восемьдесят, и вот мы до Коблякова и обратно.

Навстречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре, навстречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре. Свой братский марафон проводили – сорок два километра, как положено, я регулярно бегал, и Женя моя регулярно бегала, мы такая задорная комсомольская семья, красивые, белозубые, как хорошо, что на Женьке женился, она такая спортивная, а та, Зоя, та книжками торговала, а сначала библиотекаршей была, не очень спортом интересовалась, а главное – дочь врага народа, он, хоть, отец, и отсидел, а тут жил, не уехал к себе на Урал, и вот они со своим пессимизмом, с ГУЛАГом своим, Хрущёв, конечно, всё на двадцатом съезде сказал, культ личности и всё такое, хоть Озерлаг уже не был лагерем особого назначения, а всё-таки зачем это всё нам, комсомольцам, у нас новая жизнь, оптимизм, у нас стройка, полёты в космос, мировое господство, а тут эта Зоя и глаза раненой газели, ключицы тонкие, ножки как у паучка, а мне карьеру делать, а вдруг затормозят, не дадут продвигаться, зачем у тебя, Боря, жена – дочь врага народа, не надо нам такого, а вдруг власть изменится и отменят Хрущёва с двадцатым съездом, и снова особый лагерь, наши люди любят строгость.

Навстречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре, навстречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре. И вот мы тогда, от Листвянки до Слюдянки, бежим весь день, страшный ветер, там были молодые - вперед убежали, а мы два старика сзади, пятьдесят шесть лет мне было, а вода кончилась, снег не утоляет, вдруг луночка - нерпы продыхивают - и мы набрали фляжки, спасибо, нерпы, по снегу тяжело, бежим дальше, а Зоя вряд ли могла так много бегать, неинтересно ей, книги, папа помер быстро, молодым, потом реабилитировали его, но какая уже разница, я на Жене женился, и вот мы прибегаем в Слюдянку, полный поезд лыжников, молодые лыжники нас спрашивают, а чё вы без лыж, а наши нам места в поезде заняли, сели мы и всё.

Сели.

Хорошо так.

Думать не хочется.

Говорить.

Не хочется.

Хорошо.
Пусто в голове.
По Ангаре, по Ангаре.

6.

Миша и Надя на кухне. Миша ест пельмени.

МИША. Вкусные пельмени, мать.

НАДЯ. А ты выпил, Мишенька? Праздник? День энергетика что ли?

МИША. Я от Вики ушёл, мам. Разводимся.

НАДЯ. Как? Что ты такое говоришь?

МИША. У неё другой парень. Любовник.

НАДЯ. Подожди, но давай поговорю с ней.

МИША. Не надо с ней говорить. Всё решили.

НАДЯ. У меня есть телефон психолога, это двоюродная сестра Машки, помнишь Машку? Не важно. Короче, это нужно решать, вы потеряли ребёнка, это шок, терапия...

МИША. Мама! Всё!

НАДЯ. Мишенька...

МИША. У тебя первый день в музее, как прошло?

НАДЯ. Так а прошло хорошо. Экскурсию провела, немного цифры напутала, но они не заметили.

МИША. Давай выпьем за тебя.

НАДЯ. А откуда у нас полный холодильник?

МИША. Я купил. Буду теперь жить у вас.

НАДЯ. Как в старые добрые времена – снова живу с двумя детьми.

МИША. Может, уехать мне из Братска? Как думаешь?

НАДЯ. А работа?

МИША. Так уволился же.

НАДЯ. Как уволился?

МИША. Так.

НАДЯ. Зачем?

МИША. Всё сложно. Не хочу сейчас.

НАДЯ. Интересные дела.

МИША. Буду искать себя. Не в энергетике.

НАДЯ. С ума сошёл? Тут нет ничего больше – ГЭС, алюминиевый и лесопромышленный. Вот в этом треугольнике ищи себя.

МИША. Братско-бермудский треугольник какой-то. Давай, доставай капусту квашеную, огурчики.

7.

МИША. Про Братский треугольник я решил в девятом классе,

Мы были все тупые в своей массе,

Мечтали стать бухгалтером, юристом, экономистом,

Но каждый был при этом пофигистом.

Профтехучилище четыре пять – фазанка –

Учёба, пьянка, снова пьянка,

Пойдём-ка в Лесохимик на «Транзит»,
Но денег нет и с бодуна башка болит.
Нет денег – привяжите к попе веник –
«Мама, я вагоны разгружаю ради денег»,
Мама верит, сын – в Анзёби с другом –
Там алюминиевые чушки на заводе на одном.
Чушка, сука, весит как девчушка –
Ну, такая, с жирной тушкой –
Шестьдесят кило – и тащи как хочешь.
Сторож залупился, мы бежим, короче.
Чушку бросили, пускай, мы завтра кубик свистнем,
В металлолом сдадим, и в Лесохимике зависнем.
Утром на электрика идти учиться – мыться, бриться,
Кроссовки беспонтовые, отстой, как говорится,
В фазанке Лёха – а погнали, погуляем, грусть развеем,
Бутыль Рояля взяли – веселимся как умеем,
Автобус Братск-Иркутск немножко заблевали,
Я плохо помню в этом интервале,
На воздух вышли – вдруг чувак какой-то модный
Идёт в кожанке и кроссовках благородных.
«Мне куртку, тебе тапки» - Лёха говорит
Мы оба протрезвели, глаз горит.
«Братан, слышь чё, жигала есть, ну ты нарядный!»
Мне нос разбил, а Лёхе глаз, ну это ладно,
А вот менты метелили нас жёстко –
«Блин, дяденька, ну пожалей подростка!»
Тут лёхин крёстный нас пришёл спасать с баблом,
Нас отряхнули и вернули – всё путём.
В Анзёби мы слетали, чушек взяли –
Зимой на санки мы их клали.
И так прошла фазанка, до свидос.
Что дальше? – перед новым техником-электриком вопрос.
Энергообеспечение промпредприятий, вышка,
А вечером работа, ночью передышка.
И Лёхе повезло - он стал ментом,
О наших друганах-бандитах мы подумаем потом –
Они остались где-то в девяностых,
А я теперь стал настоящим боссом.
Мы строим станции, электросети,
Моя карьера на примете,
Я в Братском треугольнике, и мне не важно,
Чем там живёт наш Братск малоэтажный.
Квартира, дача, катер и рыбалка,
А неудачников не жалко.
Так было, я так жил, и лампочка светила ясно.
Однажды утром лампочка погасла.

8.

В музее радующее сердце постоянство – всё те же фотографии, те же экспонаты, та же Русланова поёт через патефон – что может быть безопаснее хорошо известного? Надя нарядная и благоухающая, Валентин по сравнению с ней – просто фон. Валентин не бегаёт по утрам, не занимается скандинавской ходьбой, не ныряет в проруби, не парится в бане, не отжимается от пола, у него даже нет эспандера. Проснувшись, Валентин курит. И курит ещё много раз за день. У него камни в почках, синдром раздражённого кишечника, сужение сосудов и немного начала расти аденома предстательной железы, но он пока о ней не знает. Зато Валентин прочёл всего Пикуля, всего Ключевского и Соловьёва, да много чего прочёл – он интеллигент. Он говорит тихо и вкрадчиво, с небольшой кошачьей интонацией в голосе.

НАДЯ. Знаешь, все эти истории, они о том, что жизнь торжествует, понимаешь? Мы будем жить, они про это. Вот, например, Борис Гайнуллин – моряк-подводник, красавчик. И досталась ему бригада самая отсталая, алкоголики да прогульщики, на последнем месте они были. И он их привёл на первое. Как Иисус Христос. Меня так поражает эта история – кто был последним, тот станет первым. Стали лучшей бригадой. Как он это сделал? Если бы не упал со скалы. Но и тогда, простыню в зубы и полз в больницу, полз, а ведь парализовало его. И он всё равно, вопреки, вопреки, машину освоил с ручным приводом, сына родил. И ведь у него дома штаб был, вся бригада собиралась – он продолжал руководить из дома. Жалко, что недолго пожил.

ВАЛЕНТИН. Наденька.

НАДЯ. Что, Валя?

ВАЛЕНТИН. Так же руками машешь, не изменилась.

НАДЯ. Ну как не изменилась, постарела.

ВАЛЕНТИН. Не кокетничай, сама же знаешь, что бомба.

НАДЯ. Бомба, чуть ногу не оттяпали.

ВАЛЕНТИН. Ногу? Что такое?

НАДЯ. Да с сосудами проблема была. В итоге пересадили вену, спасли ногу. Проехали.

ВАЛЕНТИН. А что не позвонила, не сказала? Я бы помог.

НАДЯ. Да чем, Валя?

ВАЛЕНТИН. Врачей хороших нашёл.

НАДЯ. Нашли и так, у меня полгорода знакомых.

ВАЛЕНТИН. А сейчас что, неужели из-за музея нашла?

НАДЯ. Из-за музея, да, у тебя такая ценная информация. Ну и вообще, думаю, как там старый друг.

ВАЛЕНТИН. Лучше новых двух.

НАДЯ. Парфюм дорогой.

ВАЛЕНТИН. Жена умерла, теперь свободный.

НАДЯ. Если бы раньше, Валя.

ВАЛЕНТИН. Надя, ну ты же знаешь, ну что мог поделывать.

НАДЯ. А я одна с двумя детьми валандалась, да в девяностые. Даже снежную королеву играла в ДК. И в Иркутск на китайский рынок моталась – ремни там, кошелек покупала, а потом на улицу, в мороз. Раз стою возле

ДК, кошельки, ремни разложила – смотрю мой Кай идёт с мамой. Не узнали меня, смотрят ремень. А потом Кай говорит: мама, это же наша Снежная королева. А та напугалась прямо: зачем? Зачем вы тут стоите? Стыд какой, вы тут стоите. Я говорю: хотите, ремень со скидкой вам отдам. Нет, нет, руками замахала. Ушла, убежала с Каем, так ей что-то горько стало. А я не стала дальше торговать, чебурек Мишке купила и домой.

ВАЛЕНТИН. В ресторане тебя видел. С бандитом сидела.

НАДЯ. Когда? С каким?

ВАЛЕНТИН. Году в девяносто третьем.

НАДЯ. Да ну, у меня тогда Гена был, а в девяносто пятом Сима родилась.

ВАЛЕНТИН. Его потом убили, бандита.

НАДЯ. А, поняла, про кого ты. Не знала тогда, что это бандит. Познакомилась. Но потом вижу, нервный какой-то и не стала встречаться. И после него как раз Гену встретила, Сима родилась. А ты что, не подошёл даже?

ВАЛЕНТИН. И потом в девяносто седьмом видел, ты корпоратив какой-то вела, меня тоже туда позвали. Но я тебя увидел – ушёл сразу.

НАДЯ. Почему, Валя?

ВАЛЕНТИН. Ну зачем. Жене обещал – больше никогда.

НАДЯ. Но ты же сам меня нашёл в двухтысячном. Сам.

ВАЛЕНТИН. Сам.

НАДЯ. И снова бросил.

ВАЛЕНТИН. И снова бросил.

НАДЯ. Сколько мы вместе были? Год?

ВАЛЕНТИН. В девяносто первом год, а в двухтысячном пять месяцев и семнадцать дней.

НАДЯ. Я, Валя, замуж хочу выйти. Вскочить в последний вагон. Понимаешь, Валя, пятьдесят мне, и всё, дальше ещё грустнее, а у меня дети, и они оба вернулись, живут со мной, а я не хочу, Валя, с ними нянчиться, хочу для себя, обниматься хочу, путешествовать, хоть иногда, смеяться, покупать платья, я ведь, Валя, чуть не умерла с этими сосудами и чуть инвалидом не стала, мне хирург говорит – отрежем ногу, как, говорю, до плавок что ли, говорит да, до них самых, и вот уже попрощалась с ней, с ногой, а тут новый доктор и говорит, нет, есть надежда, так обрадовалась, думаю, будем жить, будем жить, и духи купила, стала холодной водой обливаться и сладкое есть перестала, чтобы похудеть, я, Валя, жить хочу, и может, хочу уехать из Братска, уехать, в другую жизнь, может, на море, может, ещё куда, меня вот-вот со скалы сбросит, а я жить хочу.

ВАЛЕНТИН. У меня квартира в Кисловодске. И в Питере. Я не бедный человек, Надя. Переезжай ко мне.

НАДЯ. Нет, Валя.

ВАЛЕНТИН. Почему?

НАДЯ. Я тоже твоей жене обещала – больше никогда. Когда ты меня второй раз бросил – она меня нашла. Мы посидели, поговорили. Конечно, она не могла меня понять – как я все девяностые с этими детьми, по разным работам, как шторы пошла продавать, и сначала такие проценты были большие, и как пригибалась, кофе-чай, конфетки, ублажала, лишь бы купили, лишь бы заказали эти шторы сраные, и как хозяйка потом срезала и срезала проценты, видит, что у нас дела хорошо идут, и всё меньше,

меньше, и вот уже три процента, а мне Мишу одевать, ему деньги, он по ночам вагоны, а Сима маленькая болеет и болеет, соседку-старушку просила посидеть, деньги платила ей, и вот проценты срезали совсем, так, зарплата крошечная, ну я ушла. Зима, холодно, а жена твоя в соболях сидит, бровки хмурит, сумка дорогая, ботфорты итальянские. И так мне унижительно стало, что вот сидит она, такая холёная, и меня как девочку отчитывает, а меня только что мой любимый мужчина бросил, которого я всего-всего любила, целовала каждый волосок на его груди. Решила тогда, что всё, никогда больше. И ей пообещала.

ВАЛЕНТИН. Так а чего же ты позвонила мне сейчас, Наденька? Ты же телефон мой нашла у кого-то и позвонила, позвала.

НАДЯ. Не знаю, Валя. Захотела посмотреть на тебя. Любовь у нас была как Братская плотина, большая, крепкая, красивая. А сейчас смотрю – ничего особенного, гора бетона, только речку сгубили. Лампочка погасла.

ВАЛЕНТИН. А у меня не погасла, Надя. У меня ничего не погасло.

9.

Гена и Коля рассматривают репродукцию картины Сандро Боттичелли «Венера и Марс».

ГЕНА. Если представить, что Марс – это российский бизнес, то Венера – это госкомпании, а сатиры – контролирующие органы, которые помогают утащить у спящего Марса-бизнеса ресурсы, в данном случае копьё, щит и меч.

КОЛЯ. Интересная аналогия, коллега. То есть бизнес сейчас в летаргическом сне?

ГЕНА. Именно. И нужно его разбудить. Как предлагаете?

КОЛЯ. Это понятно, но не просто. Конечно, не с помощью чисто финансовой политики – нужно, во-первых, установить чёткие правила игры: соблюдать право собственности и права человека, а также убрать механизмы хищничества.

ГЕНА. Мы пытались.

КОЛЯ. Да, мы пытались, но не очень. Поэтому за 25 лет рыночной экономики эти правила так и не установились. Есть написанные законы, но их исполнение и применение оставляют желать лучшего, поэтому в экономике нет активности.

ГЕНА. Но почему?

КОЛЯ. Государство нарушило баланс, доля госкомпаний чересчур большая. Эти госкомпании являются коммерческими, но имеют доступ к административному ресурсу. Консолидированная группа со своими интересами, которая имеет преимущество перед группой негосударственных компаний. Конечно, это угнетает оптимизм инвестирования.

ГЕНА. Но посмотрите, коллега, чем хороша наша ситуация: цены на нефть упали, рубль тоже. Нужно пользоваться открывшимися возможностями – привлечь инвестиции – внешний капитал и внутренний.

КОЛЯ. Внутреннего мало, не хватает. А внешние инвесторы опасаются инвестировать в нашу экономику – не доверяют ей. Неизвестно, в какую сторону она будет двигаться.

ГЕНА. Да, вопросов много. Мы долгое время двигались к интеграции в мировую экономику – и что теперь, вернёмся к этому или будем на расстоянии? Мы объявили приватизацию, видим, как она идёт. Что дальше? Будем увеличивать или уменьшать роль государства?

КОЛЯ. Нет ответов.

ГЕНА. Власти сейчас сосредоточены на распределении денег, а надо бы заняться их привлечением. Надо создавать идеальные условия для привлечения капитала - защищать право собственности, проводить сильную макроэкономическую политику.

КОЛЯ. Да и реформа пенсионной системы нужна. И нужно все барьеры убрать для перемещения денег, в том числе санкции.

ГЕНА. Проблемы ясны. Давайте лучше поговорим о Ботичелли, коллега. Я заворожён тем, как он изображает кисти рук и ступни.

На самом деле этот диалог перед картиной Сандро Ботичелли происходит в ином, идеальном мире. А в реальном мире Гена и Коля, грузчики овощебазы №6, пьют водку «Столовая» ООО «Берёзка», самую дешёвую, что смогли найти. Коля весь в наколках. Закусывают квашеной капустой и солёными огурцами.

КОЛЯ. Та банка была не так, а эта прямо хрустит.

ГЕНА. Спасибо тебе за капусту, Колян. Давай выпьем, братишка. За покой.

КОЛЯ. Так.

ГЕНА. За покой. Чтобы жить спокойно, без страстей этих пустых, без баб. Погасло – и слава богу, что погасло. Половое чувство только мешает. Думать надо головой, а не вот этим вот товарищем.

КОЛЯ. Хорошо говоришь, так.

ГЕНА. Все проблемы от этих баб. Вот смотри: три жены у меня было. И где счастье? Сначала на свиданки бегаешь, денег нет, в долг на цветы эти, алкоголь, конфеты, подарки. Потом дети – ещё больше денег. Потом скандалы, развод – пьёшь и пьёшь, горе заливаешь, бабла немеряно, пьяный берёшь кредит. Кредит – это вилы, рабство настоящее.

КОЛЯ. Вилы им так, так.

ГЕНА. Вот именно. За то, что они с людьми делают. Коллекторы пошли. А у меня же ничего, квартира родительская, у них живу, вторая жена выгнала. Короче. Давай выпьем, чтобы всё окончательно потухло, брат.

КОЛЯ. Так. (*выпивает*) И давай, так. За Сибирь. Самые, так, чистые русские в холоде. А черномазых - так. В девяностые мы их, и теперь так. Видал, узбек вышел?

ГЕНА. Тимур что ль?

КОЛЯ. Так. Тряпочку так.

ГЕНА. Это он перед едой, ну и им положено пять раз в день молиться.

КОЛЯ. Не хрен! Это наша земля, и мы тут!

ГЕНА. Ты же не религиозный.

КОЛЯ. Так. Но молиться тут - ни так. Так? Кроме наших. Места занимают рабочие.

ГЕНА. Да у нас никто не хочет грузчиком.

КОЛЯ. Ни так. Отсидел, честно, так, откинулся и чё? Кем? Никто не берёт, так. Не сидевшим-то не хватает, так. Так, сюда взяли, пока силы, потом тачку, так, потакую. А если, так, черномазые места? Куда честным пацанам, так, зоны?

ГЕНА. Лес возить. Я выбирал: сюда грузчиком или лес. Решил сюда.

КОЛЯ. Да так ты бухаешь, тебя, так, не берут.

ГЕНА. Это так. И даже в столовую поваром не берут уже. Пусть, грусть. Слушай, давай тебе лучше о кораблях расскажу. Я же служил на флоте.

КОЛЯ. Так.

ГЕНА. Отправили меня в Высотск на Финский залив в западную бригаду. Там становление мужика случилось. В Находке до этого служил, зэковские законы, не обижайся.

КОЛЯ. Ну, так.

ГЕНА. А тут всё чётко, хоть еды не хватало, развал союза. Но границу охраняй – внутри у людей ответственность – не спи, охраняй. Командир утонул, другой повешался – всё было, но ответственность была. И вот служу-служу: бах! Регата! Регата Катти Сарк, триста лет военно-морскому флоту было – яхты, корабли парусные, вот это было восхищение! Там их пять островов, мы на маленьком острове три на четыре, мы ближе к Кронштадту. Всё в парусах – сто с чем-то яхт и парусников, бриги – а у меня БМТ – биноклярная труба, всё видно. Смотрю – там ребята собирают канаты, а потом наш четырёхмачтовый – «Мир» – прошёл. Это неопишимо, не передать, столько видел! Когда на парад шли крейсера из восьми стран – англичане, американцы играли на вертолетной площадке в теннис, боксом канадцы занимались – а мне в БМТ хорошо видно. Это впечатления! Я говорю, ребята, семнадцатый век – горизонт в парусах! И когда военные пошли – наш Пётр великий, он сейчас флагман северного флота...

Заходит Сима.

СИМА (*Гене*). Папа.

ГЕНА. Вам кого?

СИМА. Тебя.

КОЛЯ. Ну я пойду, Ген.

ГЕНА. Меня? Коль, не уходи, ошиблась девушка.

КОЛЯ. Мне дочку забрать из школы. Всё, пока, братэлло.

Коля уходит.

СИМА. Не ошиблась. Узнала. Я Сима.

ГЕНА. Сима?

СИМА. Серафима.

ГЕНА. Мы тут день рождения отмечали.

СИМА. Мне Миша сказал, что ты тут. А ты же повар.

ГЕНА. Повар. Но не сейчас.

СИМА. Можно же закодироваться.

ГЕНА. Какая большая выросла.

СИМА. Просто пришла сказать, что скоро дедушкой станешь.

ГЕНА. Да? Надо же.

Сима быстро уходит.

ГЕНА. Эй! Куда ты? Давай выпьем за ребёнка!

10.

Гена читает книгу Вильяма Васильевича Похлёбкина «Национальные кухни наших народов». Гена всюду носит её с собой и читает при каждом случае, когда надо прийти в себя.

ГЕНА. Девяносто четвёртый год, мне двадцать два, Наде двадцать шесть, Мишке шесть. Пришёл из армии. Чем будешь заниматься, Гена? А я в школе троечник, куда идти, все в бандиты пошли, тем более дзюдо у меня, не хочу в бандиты, хочу ветра, тугих парусов, простора.

«К монгольскому направлению в кулинарии относятся национальные кухни калмыков, бурят, шорцев, алтайцев, тувинцев и отчасти хакасов. Из технологических приемов обработки мяса наиболее характерна сушка его на ветру и на морозе длинными, тонкими лентами...»

Длинными, тонкими лентами. У Нади были длинные волосы, ноги длинные худые, руки длинные тонкие, юбки длинные, летящие.

“...длинными тонкими без всякой предварительной обработки, обязательно в декабре-январе, и отваривание мяса в сочетании с продуктами молочно-спиртового брожения (с бозо) без доступа воздуха”.

Замирало дыхание, когда она близко, без доступа воздуха мир становился ярким, пульсирующим, она смеялась, каблуки высокие, духи, может, дешёвые, но смешивались с запахом её кожи, волос, самые лучшие духи.

“Простые по композиции, без всяких гарниров и приправ (кроме сушёного лука-мангира) мясные блюда монгольской кухни требуют тем не менее длительного приготовления (как, впрочем, и молочные), поскольку мясо варят или сушат большими порциями. Например, болхойрюк необходимо варить 8-10 часов (приготавливают его в основном в закрытых котлах крупных объемов)”.

Мы в койке могли долго, долго-долго, долго-долго, пока окошко не запотеет, и капли капаят с потолка, конденсат, а вечером в садик за Мишкой, ему скоро семь и в школу, а пока...

“Специфика монгольской кулинарии — в её приспособленности к степным условиям. Поэтому весьма сложно воспроизводить блюда монгольской кухни в современных городских условиях”.

В современных городских условиях, да с зарплатой этой столовской, куда пойду, не в бандиты же, пошёл в столовку, раз выучился на повара, в современных городских условиях трудно красиво ухаживать за барышней, кабаки, шубы, машины, розы – вот это всё, но можно приготовить вкусное, можно в койку на много часов, можно наладить, прибить, постирать, погладить, с ребёнком в футбол, морской бой, шашки, скворечники делать, Гена поедет на Байкал хотя бы а давай свадьбу справим а давай что-то с квартирой решать в этой тесно а второй ребёнок а работу найди получше что эти копейки я в три раза больше получаю а получаю я мало а ты мужик хоть бы дача была у тебя хочу шубу хочу цветы хочу ресторан - сложно сложно сложно воспроизводить любовь в современных городских условиях.

“Как и у всех народов, занимающихся скотоводством, в монгольской кухне широко используется ливер в разных сочетаниях, например, лёгкое или сердце с пашиной (рулькой), нефаршированными кишками и разными видами внутреннего жира (почечный жир, сальник)”.

Сначала сердце, потом кишки, так всегда, сначала сердце, а потом кишки, се ля ви, быт быт быт, фыркает, смотрит иронично, намекает, приходит поздно, устала, голова болит, ложись на диване, летом поедет на Байкал с подругой раз ты не можешь, этот кулон подруга подарила, ты инфантильный вялый не умеешь заработать семью не прокормишь люди бизнес делают Геночка бизнес а ты пирожки с ливером стряпаешь и всё и всё и всё. Ну и всё. А дальше – девяносто пятый, мне двадцать три, Наде двадцать семь, Мишка в школу, и рождается Сима. Ху из Сима?

“Приготовлять хурунгу классическим способом чрезвычайно сложно. Для этого требуются, во-первых, большая посуда — примерно с бочку, а также особая закваска — эхэ. Эхэ — старая хурунга, или мать-хурунга, которую буряты хранят иногда по полгода и более. Современный, более облегченный способ приготовления хурунги состоит в следующем: три ведра скисшей пахты от взбивания масла, один литр эхэ или ржаной закваски, приготовляемой из одного кэгэ ржаных зерен, помещенных в плотный полотняный мешочек и опущенных на одну неделю в пахту. Пахту прикрыть крышкой с дырочками. Время от времени в течение суток помешивать — примерно через равные промежутки времени не более, чем через три-четыре часа. Помешивать каждый раз не менее пятнадцати минут. Когда появятся мелкие пузырьки, можно считать, что хурунга готова».

И я ушёл. Вот такая вот хурунга.

11.

И снова наш музей – слава богу, ничего не изменилось, опять поёт Лидия Русланова. О, прекрасное прошлое, дай зафиксировать тебя, как Набоков бабочку! Живые люди не идут музею, но что делать – они тут ходят. Надя,

Боря и Миша расположились в пространстве хаотично, любой хаос только подчёркивает космос.

НАДЯ. После окончания Сухумского горного техникума, Иван Иванович Наймушин заканчивает в 1937 году Московский горный институт, работает в шахтах, затем возглавляет группу по строительству московских электростанций, а в 1941 году – строит ТЭЦ в Йошкар-Оле, а также противотанковые рвы. В 1943 – он должен восстановить разрушенную фашистами Брянскую ГРЭС, а в 1946 он строит подземную электростанцию Нивагэс-3. Тут вы вступаете, Борис Петрович.

БОРЯ. По сути надо было совершить чудо: людей нет, только половина, средств катастрофически не хватает – только что закончилась война. Партия давит: пленум горкома, пленум обкома. Надо построить жильё, школы, больницы, чтобы люди жили и работали. А это Заполярье, Мурманская область. Стройка началась до войны, потом война, законсервировали, и теперь надо продолжить и закончить. А это скала, глубина 70 метров. В подземном зале глыбы льда, его несколько месяцев долбить. Говорю, тащите калориферы, мы растопим этот лёд. Мы растопим этот лёд. Растопили, вода ушла в море. Построили досрочно ГЭС, она дала ток досрочно, мне дали орден Ленина, команде моей – это четыре сотни людей – тоже ордена и медали...

НАДЯ. И тут я вступаю: так началось восхождение Ивана Ивановича Наймушина на вершину мирового гидростроительства!

БОРЯ. Наденька, тут очень важно отметить, что все эти ГЭС, даже наша, Братская, это только небольшие объекты. По сути, я построил страну. Страну, понимаешь? Наш Братскгэсстрой создавал целые города и регионы: все заводы и фабрики, все дома, школы, больницы, все электросети – от Урала до Дальнего востока. Запусти нас на Марс, мы бы и там построили города.

НАДЯ. Да-да, Борис Петрович...

БОРЯ. Иван Иванович.

НАДЯ. Всё же я буду постаринке вас называть – Борис Петрович. До Братскгэсстроя мы дойдём. Давайте продолжим...

МИША. Экспансия.

НАДЯ. Что?

МИША. Экспансия. Это очень энергично – завоевать пространство. Но экспансия – только начало, первый этап. А потом нужно интенсивно действовать. Смотрите, как поступил Китай. В какой-то момент они перестали претендовать на чужие территории. Например, к нам, в Сибирь, они вряд ли в ближайшее время пойдут, им тут холодно, мало плодородных почв. А главное – китайцы вкладываются в модернизацию. Технологии развивают. А мы так и застряли на первом этапе экспансии – и технологии наши устарели.

НАДЯ. Это всё интересно, Миш, но не отвлекай, нам экскурсию надо сделать.

БОРЯ. Если бы не проклятый девяносто первый год, мы бы уже точно на Марсе города строили, а модернизация твоя – она по дороге приложится.

НАДЯ. Ну, давайте, продолжим. Теперь я вступаю. Чем мы дорожим в своих героях? Опираясь на них, на их невидимые крепкие плечи, мы обретаем

уверенность в собственных силах, осознаём, что дорога наша не зависит ни от мощности моторов, ни от спутниковой связи. Как вообще всё это было возможно: они пришли покорять глухой сибирский край с обозом, с геологическими картами и компасом, в мороз, при постоянной нехватке топлива и стройматериалов...

МИША. Какое-то противоречивое высказывание, мама. С одной стороны, гуманистическое – вера в человека, в его безграничные возможности. Но с другой – ты говоришь опять же о каком-то самопожертвовании, а они это делали не чтобы жизнь свою сложить к ногам человечества, совсем нет.

НАДЯ. А для чего?

МИША. А для чего спортсмен побеждает на олимпиаде? Чтобы выпендриться, показать, что я могу сделать это лучше всех в мире, я самый крутой, утереть всем нос. Это не история про Иисуса Христа, который умирает, чтобы мы выжили. Это история роста человека: был обычный – стал супермен, был слабый – стал сильный, был неудачник – и победил.

БОРЯ. Так закалялась сталь!

МИША. Именно!

НАДЯ. Борис Петрович, вы пока снимите свою голову медвежью, подышите, чайку попейте, перерыв. Миша, ты мешать приехал?

Боря уходит.

МИША. Вот это вместо благодарности, да? Довёз вас до работы – и **на** тебе.

НАДЯ. Ты работу себе будешь искать? Или с женой мириться? Ты чего целыми днями груши околачиваешь?

МИША. Где ты видишь здесь груши? Это Сибирь, детка, зима.

НАДЯ. Миша.

МИША. Мама, у тебя дома бардак – старичок чужой живёт, а ты сама в три ночи домой приходишь.

НАДЯ. Э, ты в мой дом пришёл и меня же строишь? Наглая морда.

МИША. Старичок надолго у нас?

НАДЯ. Навсегда. Не у нас, а у меня. И не твоё дело. Он за собой посуду моет и сам бельё своё стирает. В отличие от.

МИША. Так, а где ночами шарахаемся? Букеты откуда?

НАДЯ. Миша, дождёшься – выселю.

МИША. Ты готовишься к внуку? Скоро же Сима родит тебе.

НАДЯ. Мне? Мне не надо. Я, может, выйду замуж к тому времени. Или уеду. А вы тут сами разбирайтесь.

МИША. Мам, ну что за легкомыслие в таком возрасте солидном.

НАДЯ. Ты мне тут про возраст не надо! Обалдел совсем. У меня позитивное мышление. Всё будет хорошо у меня. Я молодая. Всё, давай, уезжай уже, нам работать надо.

МИША. Что за карнавал тут устроила со старичком?

НАДЯ. Никакой не карнавал, экскурсия. Раз в него Наймушин вселился, то пусть отрабатывает.

МИША. Удивляюсь, как с такой предприимчивостью ты ещё не олигарх.

НАДЯ. В тебя инвестировала, думала, **ты** олигархом станешь, мать будешь на старости лет содержать, а ты безработный. Всё, сынок, давай, езжай работу себе ищи.

МИША. Мне надо понять смысл всего этого, мам.

НАДЯ. Какой смысл?

МИША. Почему мы торчим здесь в тайге вдали от цивилизации, какая идея? Я вас послушаю.

НАДЯ. Борис Петрович, продолжаем.

Боря возвращается.

БОРЯ. Наденька, я случай вспомнил, чтобы ты понимала, как оно всё работало тогда. Меня когда направили Брянскую ГРЭС восстанавливать, в сорок третьем, у меня только трактор был и две бортовые машины, старые-престарые – со стройки в Йошкар-Оле. Я в Москву, ставлю вопрос – нужны машины. Мне отказывают – нет машин. А положение серьёзное: начали поступать грузы по железной дороге, к тому же питание шло из Брянска и других городов нам, как его везти? На чём? Никого не волновало. И вот как-то на обкоме вижу – сидит мужичок, маленький такой, невзрачный, Архипов фамилия. Оказалось, партизан, местный, все леса знает. «Давай, - говорю, - выпьем маленько, партизан». Выпили мы, оказалось, партизаны любили транспорт. То там, то сям отбирали его и прятали, и наш, и немецкий. «Поехали, - говорю, - Архипов, со мной, будем работать вместе». Поехали мы, устроил его у себя механиком в гараж, и стали они с начальником транспорта вместе по лесам бродить, да машины трактором из схронов вытаскивать. Конечно, опасная работа – схроны-то партизаны минировали, но ничего, справились, никто не подорвался. К апрелю сорок шестого у нас уже было семьдесят восемь единиц, нормальный автопарк.

МИША. Вот скажите, Борис Петрович...

БОРЯ. Иван Иванович.

МИША. Хорошо, Иван Иванович, во имя чего вы всё это делали?

БОРЯ. Я так тебе скажу – не было времени подумать. Надо было в один день создать всю промышленность в стране. Раз – и мы первые в мире, самые лучшие. Ядерное оружие для этого надо – надо так надо, поехали в тайгу, место выбрали для комбината, который тяжёлую воду делал – она нужна для ядерного производства. А комбинату электричества нужно прорву, значит, надо ГЭС строить возле него, на Ангаре. Технология сменилась через два года, из обогащённого урана стали делать, не из воды – не нужен комбинат, тогда решили алюминиевый завод строить – самолёты же! Ракеты! Покорение космоса! И тоже ГЭС нужна. И так далее.

МИША. Технология сменилась – теперь самолёты не из алюминия делают, а из углеродных композитов, так зачем столько алюминия? Он дешевлеет, скоро его вообще делать перестанут, устарел. Куда нам столько электричества? Новых заводов нет. Вы понимаете, что я не могу работать без понимания, не могу. Зачем нам новые ГЭС, новые сети, если мы ничего не производим?

НАДЯ. Да всё нормально, сынок, я тут встретила Виктора, очень важный человек у нас здесь, хоть и пенсионер уже. Он говорит: всё будет отлично, скоро построят много новых заводов, тут, может, будет научный центр, люди из Москвы хлынут к нам, работать, жить, страна вперёд вырвется,

станет лидером – слава богу, санкции! Мы теперь всё наладим, да ведь, Борис Петрович? Они смогли, и мы сможем!

БОРЯ. Ты, главное, не думай шибко много. Руководство пусть думает. Я Камскую ГЭС сперва не хотел строить, отказывался. Косыгин уговаривал. А что, людей нет, материалов нет, техники нет. Сталин спрашивает Косыгина, мол, подыскал ты начальника строительства? И меня вызывают. К Сталину. Мол, приди, Иван Иванович. Прихожу.

- Ну что, как настроение? – Сталин спрашивает меня.
- Ничего, - говорю, - хорошее, товарищ Сталин.
- Ну вот, - Сталин Косыгину говорит, - А ты говорил, что не согласен он.

И всё, стал я строить Камскую ГЭС.

12.

МЕДВЕДЬ. Демократическая республика Сомали, Народная республика Ангола, Народная республика Конго, Народная республика Мозамбик, Народная республика Бенин, Народная демократическая республика Эфиопия, Народная демократическая республика Йемен, Социалистическая республика Вьетнам, Демократическая республика Афганистан, Монгольская народная Республика, Китайская народная республика, Народная республика Кампучия, Корейская народно-демократическая республика, Лаосская демократическая республика, республика Куба, Народное революционное правительство Гренады, Венгерская народная республика, Германская демократическая республика, Народная социалистическая республика Албания, Польская народная республика, Чехословацкая социалистическая республика, Народная республика Болгария, Социалистическая республика Румыния, Социалистическая федеративная республика Югославия, Союз советских социалистических республик. Союз! Советских! Социалистических! Республик! Как настроение? Отлично!

13.

Сима сделала маникюр и медикюр, сама, что было непросто в её положении. Сима сделала максимально нежное лицо, что потребовало новый тональник и хайлайтер, а также консилер, разумеется. Сима говорит с фотографом Ромой воркующим голосом. Рома не хотел бы реагировать на этот голос, но реагирует – Рома довольно молодой и темпераментный, с большой камерой Canon 5D, тушка, объектив Sigma 24-105, второй фикс-портретник 50. Сима прибралась и убрала лишний хлам, но всё равно квартира мало похожа на студию или дорогой отель.

СИМА. Я бы хотела такие, знаете, нежные фотки.

РОМА. Нежные, понятно.

СИМА. Ну, чтобы мягкость такая, знаете, плавность. Беременность – это чудо. Ребёнку будет приятно, что у него такая мама красивая, ответственная, всё фиксирует. У меня уже коллекция УЗИ.

РОМА. Понятно.

СИМА. Вы, наверное, думали, у нас тут интерьер?

РОМА. Ну почему интерьер.

СИМА. Обычная квартира, старая мебель. Так что будем или на фоне стены, или в кровати, шёлковый комплект у меня, полиэстр, правда. И вот розы купила – суперпредложение: одна роза по сто. Мелкие, правда.

РОМА. Всё равно роскошно.

СИМА. Да, хочу, чтобы роскошно. Сделайте, чтобы ощущение благополучной жизни.

РОМА. Хорошо, сделаем. Драпировочку подержите здесь так, складки красивые на ткани.

СИМА. Магнитится. Сраный полиэстр, надо было сатин брать. Вам сколько лет?

РОМА. Тридцать, а что?

СИМА. Жена есть?

РОМА. Нет, а что?

СИМА. А мне двадцать четыре, и я вдова.

РОМА. Поздравляю, в смысле, ужас.

СИМА. Мой муж умер от спайса.

РОМА. Бывает.

СИМА. Вообще, нет, не буду ныть. Надо себя останавливать. Мама говорит, надо во всём видеть позитив. Она у меня вся на позитиве. Он был очень красивый, ну, муж. Машина хорошая, Тойота Ярис, родители подарили. Квартира своя. Жить бы да жить... Вообще, всё хорошо у меня, будет сын, работу найду. Пока не берут, я бухгалтер, нудноватая немножко работа, конечно... но ничего, посмотрим, что дальше, может, свой салон красоты когда-нибудь открою. Мы же на «ты», да?

РОМА. Ну да, в принципе.

СИМА. Подруга у меня с парнем своим в Белгород уехала, там туи, туи, красота, закончила дизайн архитектурной среды, работает дизайнером интерьеров в Питере, а мы вместе с ней учились в школе искусств. Я тоже, вообще-то, архитектором хотела стать, но не поехала никуда учиться – встретила свою любовь. А могла бы... Но любовь – это же так прекрасно! Предназначение женщины – домашний очаг, вот это всё, ну ты знаешь. А то моя мать – всю жизнь пашет, пашет – кому это надо – и лошадь, и бык. Мы же девочки. Наше дело – дома сидеть за каменной стеной. Тебя же Рома зовут?

РОМА. Рома.

СИМА. А я Сима. Ты же любишь Братск, Рома?

РОМА. Вообще-то люблю. Местные не понимают. Взять хотя бы электричество – меньше рубля. А в Москве пять рублей за киловатт.

СИМА. Ну вот! Мама говорила с одним человеком важным – Виктором, и он точно знает, что скоро у нас тут построят новые заводы, жизнь закипит, люди из Москвы сюда рваться будут. Вот только, что тут женщинам делать, если без технического образования... Ну можно придумать же, что-нибудь – допустим, худеть публично в инсте – а потом рекламу предложат тебе как блогеру, хорошая работа. Или совместные закупки – организуешь группу, покупаешь, берёшь себе десять процентов, нормально.

РОМА. Да, вообще нормально всё в Братске, бурятов мало.

СИМА. А ты сам не бурят разве?

РОМА. Я? Ну почти нет, на четверть. Знаешь, в Иркутске пожил – ну это же ужас, они как выпьют – так с катушек съезжают совсем. Одни девицы в нас лимон бросили.

СИМА. Лимон?

РОМА. Ну из чая лимон. Мы с другом сидели пиццу ели. А девицы эти думали, что мы над ними смеёмся. Нетрезвые такие. Ну и подошли, чё вы тут как из «Игры Престолов», и в лицо лимон бросили, потом драка началась, милицию вызывали, ужас.

СИМА. Ужас какой.

РОМА. А в Братске нет бурятов, красота! Работы – навалом нам, творческим людям. И фотографирую, и свадьбы веду, и на радио.

СИМА. На радио? С ума сойти, думаю – почему голос такой родной!

РОМА. Люди не были нигде, уехать хотят, думают, там лучше, нет! Там хуже – посмотри, в Красноярске режим чёрного неба, а у нас немножко повоняет ЦБК и всё, алюминий вообще не чувствуется.

СИМА. А вдруг вредит. Говорят, вредно.

РОМА. Ну мы же не мутанты, вот сколько здесь живём, не мутировали, не умираем массово – значит, нормально всё, человек как крыса ко всему приспособиться может.

СИМА. Да, точно, мы всё равно выживем, и будем счастливо жить, как мне нравится, что ты на позитиве, летом на Зябу, и про Бродвею гулять, телевизор смотреть чаще – главное, телевизор не выключать – там такие позитивные новости! Всё хорошо, и будет ещё лучше у нас, мы всех победим, прорвёмся, у власти нормальные мужики, всё решат, я без мужика не останусь, у ребёнка будет отец, давай с тобой целоваться, я так давно не целовалась.

Сима и Рома целуются.

14.

Пахнет тёплыми валенками, Гена и Коля, нарядные, смотрят показательные выступления учеников школы танцев, у Коли на коленях немного мятые хризантемы, приморозил маленько, хоть и завернул в пять слоёв газеты, где же Даша. Он замирает, когда выходит группа девочек лет семи-восьми в русских народных костюмах, свежие как сувенирные деревянные ложки в магазине для туристов, одна из них машет ему рукой и говорит одними губами: папа. Воротник рубашки душит, но Коля не догадывается расстегнуть верхнюю пуговицу, не замечает шею. Вечор, вечер, матушка, вечер ли, сударушка, Иванушка приходил, подарочек приносил. Коля весь там, где девочки подпрыгивают, руки в боки, удар пяткой, поворот, ещё поворот, косы летят, руки широко вверх, поворот, поворот, ручеёк, хороводы по пять, солистка бьёт пятками, какое ему дело до солистки – Дашенька как все хлопает, не ту солистку выбрали, конечно, Даша как матрёшка, как юла, крутится и крутится, улыбается. Ты отрада, ты отрада, ты отрадушка моя, мы пойдём с тобой, отрада, во зелёный сад гулять. Гена смотрит на Колю, такой Коля совсем не похож на прежнего грузчика с овощебазы, зэка, такой Коля – нежный и немного примятый своей любовью как его хризантемы, и почему-то вспоминается

Сима. Сима, моя Сима, Сима, Сима – больше нет мыслей, только имя во рту перекатывается и картинка – испуганная беременная девчонка, как юла, как матрёшка.

Крутится Надя, она двигает шеей, раскрывает грудную клетку локтями, и груди её, словно две птицы, вот-вот покинут эту клетку, если что, но Надя не думает о них пока, Надя танцует в клубе-ресторане Рок-гаррет (Мира, 43), и слово «упоеание» пульсирует в её висках, упилась, упоилась, поймала вибрацию социума, слилась в ритме со всеми на танцплощадке. Мы все спешим за чудесами, но нет чудесней ничего, чем та земля под небесами, где крыша дома твоего, где крыша дома твоего. Гремят басы, Надя потеет, Надя подпрыгивает, бьёт пятками, не видит юных блондинок с утиными губами, не видит длинноволосых, худых, тонконогих, с маленькими попками, в дорогих браслетах, с яблочными телефонами в руках – господи, почему ты посылаешь им, а не мне, почему им, надо помахать Валентину. Валентин не танцует, Валентин сидит за столиком вдали и тоже машет Наде, а когда она ныряет в толпу, Валентин надевает очки и читает меню грядущего новогоднего вечера в Рок-гаррет под названием «Игра престолов. Зима близко». Сало дракона собственного приготовления двух видов, рыба Севера слабой соли, мраморное мясо одичалых, салат беседа с Ходором (с язычком ягнёнка), салат Десница короля (с камчатским крабом). Улов Кхала (филе омуля на пару), подарок Серсеи (медальон из телятины с клюквенным соусом). Рыба Севера (сиг с/с, муксун с/с), мясо одичалых (мясное ассорти – ростбиф, буженина, отварной язык), Призрачная трава (свежие овощи с зеленью). Салат Чёрная рыба (с сибирской рыбой, подкопчённой на ольховой щепе), салат Винтерфел (с запечённым мясом дичи). Обед Теона Грейджоя (антрекот из свинины), ужин Нэда Старка (стейк из сохатины с клюквенным соусом), Улов железнорождённых (стейк из щуки). Встречайте Новый год в Рок-гаррет!

15.

Миша и Боря сидят на кухне в квартире Нади и пьют чай с салом – чёрный чай, а к нему на десерт чёрный хлеб, горчица, тонкие ломтики сала. На Боре та самая шапка-ушанка, имитирующая голову медведя, к которой прилажен нос из газеты, так что Боре неудобно есть и пить, но шапку он не снимает. Вообще-то один нос он уже окунал в борщ, так что пришлось делать новый, теперь Боря приноровился и обращается с головой медведя ловчее. Если приглядеться, можно что-то прочесть на носу. «Сотовый поликарбонат. Проверки качества и законности производства овощей в Иркутской области планирует организовать региональное министерство сельского хозяйства при взаимодействии с производителями на искусственное занижение цен на овощи китайцами. Как пояснила руководитель «Искры», на рынках появилась капуста по цене 3,5 рубля за кг, а ещё китайские овощеводы значительно снижают цену на картофель... которое работает легально, трудоустраивает работников и платит налоги.... они постепенно оседают в области, живут, заводят семьи, на них квоты не распространяются... Неизвестные вещества, не включённые в список запрещённых, отсюда у нас регулярно вспыхивают кишечные инфекции, отравления.»

Миша и Боря едят, пьют и не разговаривают, но интенсивно думают. Боря представляет Мишу на скамье подсудимых. А он, Боря, прокурор, и его речь блистательна.

16.

Речь Бори на воображаемом суде над Мишей.

БОРЯ. Уважаемый товарищ судья! Эпиграф: «Что было хорошо – то стало плохо, где, мнили, золото, - там, вышло, хлам. Переломилась пополам эпоха – и нас переломила пополам». Тысяча девятьсот девяносто первый год. Трагический год нашего отечества. Распад великого советского союза, роспуск коммунистической партии, ликвидация плановой экономики, резкое сокращение промышленного и сельскохозяйственного производства. Продолжается талонное распределение продуктов, исчезают с прилавков товары народного потребления, развал денежного обращения. Громадные задержки в выплате заработной платы из-за нехватки денежных знаков. Процвечают бартерные обмены, взаимозачёты. Продолжается сокращение численности коллектива Братскгэсстроя из-за отсутствия работы. Строить нечего. Нечего строить! Тем не менее мы строим. В составе Братскгэсстроя трудится сорок одна тысяча человек. Построили дворец культуры «Энергетик» - где вот такие дебилы как ты, Миша, спирт жарили потом под бум-бум-бум. Да что ДК, за 1991 год мы построили пять школ, семь детских садов, одну поликлинику. Введено полезной площади жилых домов: в Тувинской АССР – 3016 кв.м, в Бурятской АССР – 2735 кв.м, в Читинской области – 15179 кв.м, в Хабаровском крае – 6349 кв.м, в Красноярском крае 6765 кв.м, в сёлах и городе Тулуне 9993 кв.м, в Братске 102167 кв.м. А вы? Вы что сделали-то за свой капитализм (кроме Богучанской ГЭС)? Вялые, ничего построить не можете, вы не мужики! Сидят на диване телевизор смотрят, тьфу! А ну встань и давай иди работай, тунядец, пришёл к матери жить! Иди страну подымай! Живёшь на улице Баркова, героя отечественной войны, он потом директором пивоваренного завода был, а ты – трутень, бездельник! Поплясал бы у Андропова на сковородке.

17.

Миша встаёт и достаёт из холодильника квашенную матью капусту и солёные матью огурцы, а также палку ветчины «Столичная» производства ОАО Иркутский мясокомбинат, состав: свинина, соль, крахмал, комплексная смесь специй, нитрит натрия. Миша внезапно думает о том, что надо бы пойти в спортзал и накачать себе мышцы (присед, жим лёжа, становая тяга), чтобы стать красивым, чтобы Вика увидела его, такого стройного и спортивного, и снова бы полюбила и бегала бы за ним. Но нет смысла, конечно, соглашаться, пусть хоть обрыдается. А если я ещё куплю себе Харлей, да погоняю, о-о-о! Лето, виктория, новый Харлей. Но сначала надо работу найти. Какую? Куда идти? Миша с раздражением смотрит на Борю, который протискивает в себя сало и запивает чаем, придерживая одной рукой свой бумажный медвежий нос, на котором, если приглядеться, можно прочесть: «Сотовый поликарбонат.

Ритуальная служба. Большой выбор сопутствующих товаров. Памятники из уральского камня, диабаз, долерита. Доставка тела в морг круглосуточно». Миша нарочно громко хлопает дверью холодильника, сверху шорохом летучих мышей слетает картонная тара из-под яиц и несколько веточек сушёной душицы. Миша чертыхается и наклоняется собрать. Он представляет Борю на скамье подсудимых, а себя прокурором.

18.

Блистательная речь Миши на воображаемом суде над Борей.

МИША. Уважаемые господа присяжные! Сейчас мы находимся в самом конце третьей или в начале четвёртой промышленной революции. Этот этап характеризуется кульминацией развития информационных технологий, проникновением интернета во все сферы хозяйства, развитием экосистемы интернета вещей и связанных с ним технологий искусственного интеллекта, нейронных сетей, 3D-принтинга, электромобилей и так далее. На рубеже прорывов находятся новые материалы (композиты и метаматериалы), альтернативные источники энергии, нанотехнологии, биотехнологии, которые могут стать основными драйверами как четвёртой, так и пятой промышленной революции. Компания Харлей Дэвидсон сократила производственный цикл с двадцати одного дня до шести часов, то есть каждые восемьдесят девять секунд с конвейера сходит мотоцикл, полностью настроенный под своего будущего владельца. Кастомизация состоит из более чем тысячи трёхсот опций! Вдумайтесь в это! Ты как покупатель влияешь на вещь на этапе создания, то есть ты тоже участвуешь в производстве – вот что такое интернет вещей в промышленности. К чему я это всё здесь говорю? Экономика теперь – это четыре фактора: производственный, финансовый, человеческий капитал и технологии. Не будет технологий – не будет будущего. И я обвиняю этих людей, в лице нашего Бориса Петровича, в том, что они не заметили, как их технологии устарели, они продолжали подбрасывать в топку новые дрова, чтобы только паровоз ехал вперёд, как прежде, как было в их молодости, тогда как модель паровоза устарела безнадежно и топить дровами уже не нужно. В стране не поддерживается наука, на технологию все забили, никакой модернизации, так куда едет этот паровоз, куда он может приехать? Если мы тут, в тайге, не создадим Академгородок, научный центр, то что будет дальше? Мы будем вырубать леса и смотреть на то, как мелеет Байкал и Ангара? Сейчас в развитых странах восстанавливают леса, флору и фауну, и новые экологически чистые технологии производства энергии ускоряют этот процесс, а мы? А вы, Борис Петрович, вы думали о природе? И теперь вы что, хотите, чтобы мы остались в средневековье и продолжали рубить, перекрывать русла рек, гадить в атмосферу, прощаться с природой? А главное, это не цена прогресса, прогресс теперь, в 21 веке, не оплачивается гибелью природы, иначе это не прогресс, иначе мы просто колония, из которой черпают сырьё и всё. Ваша картинка устарела. И не будет такой страны, как была, будет другая, а та уже умерла, понимаете, умерла!

19.

БОРЯ (*напевает под нос*). Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки...

МИША. Враньё.

БОРЯ. Что?

МИША. Враньё, говорю. Союз нерушимый – он обрушился. Враньё раз. Республик свободных – никогда не были они свободными, вообще нигде и ни в чём. Враньё два. Сплотила навеки – на семьдесят лет только. Три. Сплошное враньё.

БОРЯ. Девяносто второй год! Дикие рыночные отношения! Демонтаж плановой системы! Галопирующая инфляция!

МИША. Тихо-тихо, не кричите, а то давление подскочет. Я всё хочу спросить, Борис Петрович...

БОРЯ. Иван Иванович. Наймушин моя фамилия.

МИША. Если вы Наймушин, а не Борис Петрович Кошкин, то как вы можете знать про девяносто второй год? Наймушин погиб в семьдесят третьем.

БОРЯ. Отстань.

Миша срывает с Бори шапку, Боря сопротивляется.

МИША. Так вот, Борис Петрович, вы тут уже неделю околачиваетесь, а почему домой не идёте? Где ваш дом?

БОРЯ. В Падуне.

МИША. Так что же вы туда не идёте?

БОРЯ. Не могу.

МИША. Почему?

БОРЯ. Не могу. Там медведь.

МИША. Медведь?

БОРЯ. Или жена моя Женя.

МИША. Ваша жена? Она умерла, разве нет?

БОРЯ. Нет! Нет! Не умерла она! Нет!

20.

Миша отмыкает дверь, заходит, за ним робко, держась за дверной косяк, ступает Боря. Миша не может найти выключатель, Боря не спешит помочь ему. В квартире заперт воздух, Миша проходит в гостиную, открывает форточку, на широких подоконниках в горшках мёртвые фиалки, которыми раньше занималась жена Бори, Женя. Боря заглядывает в гостиную, будто ищет кого-то, идёт в спальню, в кухню – пусто. В кухню заходит Миша, открывает холодильник, находит засохший сыр и пачку просроченного кефира, выбрасывает. Под раковиной Миша находит картошку, начинает её чистить. Всё это время Миша что-то говорит, говорит, но Боря не разбирает слов. Боря снова заглядывает в спальню – всё то же: лакированный румынский гарнитур орехового дерева, трюмо, на нём шкатулка Жени, обклеенная мелкими ракушками, старый флакон «Дзинтарс». Боря открывает шифоньер – потёртые рубашки, купленные ещё в прошлом веке, Женины платья: голубое с листьями, другое цвета осени с коротким рукавом, костюм стального цвета, под Женину седину,

она не закрашивала. Боря идёт в гостиную – на серванте фотографии Гали и Тамары, это дочери, они теперь москвички, пенсионерки обе, их дети: Саша, Серёжа, Маша, Женя, и внуки: Денис, Алиса, Василиса, Матвей, Савелий, Тарас, правнуки Стив и Мартин – никто из них не живёт в Братске. Боря думает о том, что если бы они жили здесь, то пришли бы к деду на день рождения через пять дней, и было бы громко и многолюдно, как на вокзале, Женя испечёт пирог. Женя не испечёт пирог. Боря смотрит на посуду за стеклом серванта: вот нарядные с золотом чашки фабрики Дулево, подарили на юбилей, стоит знак качества СССР, изображено цветение – на посуде любят изображать расцвет, люди хотят чувствовать то, что чувствует ветка весной и летом: набухание жизни, прорыв, заполнение пространства. Боря открывает сервант, там, среди подшивок журналов «Работница», «Крестьянка», «Наука и жизнь», среди альбомов с фотографиями и телеграммами, открыток, писем – жестяная банка из-под индийского чая, Женина банка с пуговицами. Женя собирала пуговицы на нитку, получались связки-человечки, повыше и пониже. Вот серьёзный человек, он сделан из пуговиц от Бориного драпового пальто, и вообще похож на Борю, а вот совсем изящная дивчина, из Жениных перламутровых лиловых пуговиц от блузки. Боря, не сразу попадая, быстро засовывает эту перламутровую в карман брюк, перебирает как чётки. Боря решает посидеть в своём кресле возле торшера. Но старое продавленное кресло, купленное в конце шестидесятых, и один раз перетянутое, занято. В нём сидит медведь. Боре тяжело это видеть. Боря втягивает морозный воздух из форточки ноздрями, улавливает запах жареной картошки с кухни. Медведь смотрит на Борю. У него карие глаза. Пыль золотисто летает в луче, который от шерсти на его груди идёт к незанавешенному окну.

МЕДВЕДЬ. Ну здравствуй, Боречка. Не узнал?

БОРЯ. Нет.

МЕДВЕДЬ. Это же я, Зоя, забыл меня?

БОРЯ. Зоя?

МЕДВЕДЬ. Зоя Александрова.

БОРЯ. Не узнал. Давно не виделись.

МЕДВЕДЬ. Да, всю жизнь прожили в одном городе и не виделись.

БОРЯ. Не судьба.

МЕДВЕДЬ. Не судьба. Но я видела тебя много раз, просто ты меня не видел.

БОРЯ. А почему же не подошла?

МЕДВЕДЬ. Ты ведь книжки заходил ко мне покупать, я продавцом работала. Потом раз в библиотеку с сыном зашёл. На катке тоже много раз встречались, я со своими детьми, ты со своими.

БОРЯ. А почему же ты...

МЕДВЕДЬ. Так я же для тебя невидимка, Боречка. Ты как узнал, что папа у меня по пятьдесят восьмой тут в Озерлаге сидел, так сразу невидимкой стала для тебя.

БОРЯ. Всегда хотел сказать, Зоя, мы не объяснились тогда, просто встретил Женю...

МЕДВЕДЬ. Конечно, встретил. И полюбил, да?

БОРЯ. Да.

МЕДВЕДЬ. Но сначала меня полюбил, а потом вычеркнул. Волевым решением, ты же волевой, у тебя всё под контролем, и чувства. Пламенное чувство комсомольца – любовь к родине, и всё.

БОРЯ. И всё.

МЕДВЕДЬ. Весь Озерлаг – это невидимки. К пятьдесят второму году их тридцать семь тысяч было, невидимок. Целый город. Первые строители не только в палатках жили, ты же знаешь. В бараках Озерлага тоже. Начали массово освобождать в пятьдесят шестом, после смерти Сталина, и вот бараки пустовали. А железная дорога? Кто строил? Тайшет-Братск. Заключённые и военнопленные. Кто деревья вырубал под водохранилище и просеки под ЛЭП? Только им, Боря, квартир за это не давали, и медалями не награждали.

БОРЯ. Я говорил с Евдокимовым, начальником лагеря, он сказал, что врёт всё Солженицын, никто их там не мучал, нормально они там жили.

МЕДВЕДЬ. И ты поверил главному вертухаю? Ты ему поверил? Папе моему не поверил, а ему поверил.

БОРЯ. Не встречался с твоим папой.

МЕДВЕДЬ. Да, не встречался. Не захотел. А ведь он тоже, получается, нашу ГЭС строил. Но ты же не хотел знать, и сейчас не хочешь. Ты же Лидию Русланову слушаешь и не хочешь помнить, что она тоже тут, в Озерлаге, сидела.

Боря насвистывает песню Руслановой.

Папа инженер был, как и ты. Совсем молодой попал по пятьдесят восьмой, по какому-то доносу, соседка по коммуналке донесла – она их квартиру хотела. И вот папа, такой многообещающий студент из Москвы, попал в лагерь. Выжил благодаря голове – отремонтировал старый фабричный насос, им стали перекачивать каустик. Бригадиру сделал приспособление к велосипеду – и он мог по рельсам ездить, а для внуков его деревянные наганы. Шезлонг начальнику санчасти. Так и остался жив кое-как. Только мёрз всю жизнь после лагеря и по восемь кусков сахара в чай клал. Летом даже свитера носил. Умер рано.

БОРЯ. Зоичка, вспоминаю тебя часто. Слышал, первый муж твой бил тебя, но потом развелись вы, второй раз замуж вышла, потом и он умер. Женя тоже умерла, вдовец я. Давай с тобой в музей сходим, хочешь? Я хочу. О многом можем говорить. Ты же моя молодость.

МЕДВЕДЬ. Так и я умерла, Боря. Тоже умерла.

МИША (с кухни). Борис Петрович, идите картошку есть!

21.

Гена рассматривает квартиру, где когда-то жил. Всё какое-то старое, печальное. Печаль из Гены выплёскивается вокруг и заливают эти обои в ёлочку, палас, пианино, календарь с французскими пожарными – Надя всегда любила фотографии красивых людей. Гена смотрит на Симу и видит немного Надю, немного свою маму, не теперешнюю, а ту, ясноглазую, с косым прибором и отложным воротником, из альбома. И вот есть что-то

в Сима от той быстрой тощей Нади, той, из начала девяностых. Красивую маму я тебе нашёл, Сима.

ГЕНА. Что-то давно вы ремонт, видно, не делали. Что молчишь?

СИМА. Давно.

ГЕНА. Так надо хоть обои переклеить.

СИМА. Надо. Мать собралась жизнь менять, не до обоев ей.

ГЕНА. Ясно. Ну вот, пришёл знакомиться с дочерью.

СИМА. Выпил для храбрости?

ГЕНА. Зачем? Трезвый. Решил завязать. Библию читаю.

СИМА. Хорошо.

ГЕНА. Ну как ты, дочь?

СИМА. Отлично.

ГЕНА. На бабушку так похожа.

СИМА. Да? Не видела ни разу.

ГЕНА. А давай приходи к нам на выходные, познакомимся. Обед приготовлю. Папка так готовит вкусно!

СИМА. А что, они за двадцать три года ни разу не захотели внучку увидеть?

ГЕНА. Всё сложно. Я молодой очень был. Они сказали – раз не женился, то она тебе никто. У тебя сколько ещё их, баб, будет. И детей.

СИМА. И сколько у тебя детей?

ГЕНА. Ты одна.

СИМА. А я так о бабушке с дедушкой мечтала. А у меня всё детство не было. Мамины умерли. А твои как бы тоже умерли.

ГЕНА. Живые они! Дедушка твой мечтал, чтобы я телевизоры научился налаживать, нормальная профессия. Сам он слесарь был. Сейчас на пенсии, болеют. Придётся?

СИМА. Нет.

ГЕНА. Мне так тяжело, дочка.

СИМА. Называй меня Сима.

ГЕНА. Не могу ничего дать тебе. Ничего нет у меня, только долги. Коллекторы заманали. Ходят и ходят. Проценты тикают и тикают. Слышала, хотят долги за родственниками закрепить – чтобы дети за родителей пожизненно платили. Это рабство! Я этот долг сто раз выплатил, а проценты капают и капают.

СИМА. Давай тебя пожалею. У меня ни работы, ни квартиры, только дублёрка Сашкина, ноут его продала, камеру тоже. Машина ещё осталась – Ярис старый. Храню на чёрный день. Нам же и коляску, и кроватку, игрушки, одежду, сам понимаешь.

ГЕНА. Я буду помогать.

СИМА. Себе помоги.

ГЕНА. Всё, я сказал, всё, всё, завязал, завязал, честно. Работу нормальную найду, долги выплачу.

СИМА. Ага, сколько раз такое уже говорил себе? Ты в зеркало себя видел? Кто тебя возьмёт?

ГЕНА. Ну что, ну что, хочешь, на войну пойду?

СИМА. На какую?

ГЕНА. Какая разница, на какую. Погибну за народ.

СИМА. За какой?

ГЕНА. Какая разница, за какой. Себя в жертву принесу. Погибну. Долг спишут. Всё хорошо будет.

СИМА. Мне всё равно.

ГЕНА. Зачем ты так.

СИМА. Мне всё равно. У меня теперь мужик есть. Он будет меня защищать, заботится, может, ребёнок будет его папой называть, а такой дедушка нам не нужен. Всё, релакс, иди пей дальше. Чё вообще пришёл, не звала тебя.

ГЕНА. Сима.

СИМА. Уходи, я своего мужика жду.

ГЕНА. Сима.

У Симы звонит телефон, она отвечает, мурлыкает ласковым голосом, Гена плохо разбирает слова. Пока Сима разговаривает на кухне, Гена читает книгу Вильяма Похлёбкина, чтобы успокоиться. Строчки скачут перед глазами.

ГЕНА (*читает*). В субарктической кухне ...свежепарное мясо, жир и кровь животного (оленья, моржа, тюленя, кита), а точнее — мясо живого животного, т. е. такого, которое еще не умерло, а только ранено. Ранено. ...эскимосы-гренландцы вырезают и тотчас же едят мясо из туши раненого кита, выброшенного на берег. В этом случае мясо обладает особой мягкостью, нежностью, приятным вкусом. Из туши раненого кита. К этому же роду пищи относится и кровь животного (оленья, лошади), выпускаемая из легкого надреза артерии и выпиваемая тотчас же. Кровь, кровь, кровь.

Гена уходит.

22.

Сима и Рома едят на кухне картошку с котлетами, а также квашеную капусту и солёные огурцы. Перед ними на стуле сидит медведь. И Сима, и Рома уверены, что медведь не виден больше никому, что медведь – это просто фантазия, выдумка. Может, так оно и есть.

СИМА. Ну как?

РОМА. Вкусно.

СИМА. Ну чё так сидеть, у нас же свидание, типа. Расскажи чёнить.

РОМА. Ну, это, проснулся рано, эфир сегодня был. Конечно, не просто – ну, вся эта болтовня. Надо быстро говорить, бодро. А спать охота же.

СИМА. Ну справился.

РОМА. Ну справился. Представь, я реально звезда - голос узнают люди.

СИМА. Вау!

РОМА. Как-то машину стукнул, выезжал, ну, не я был виноват, неважно. Приехал оценщик со страховой – типа, такой, мы же знакомы? Я смотрю, говорю: нет. А он, ну знакомы же. А я такой: радио слушаешь? А он, такой: а-а-а, понял, понял, слышал, слышал. Ща, говорит, всё порешаем. Так порешали, что даже деньги остались. Пиши, говорит, 90 и 10 мне дашь, видимо, так он зарабатывает.

СИМА. Прикольно!

СИМА (*медведю*). У него что-то в голосе, на Сашку похоже, какие-то словечки иногда проскальзывает. И манера головой так. Аж жуть. Когда ещё Сашка нормальный был. Такая лапа. Залюбленный такой, все его обожали, весь город знал. Простой слесарь на БРАЗе, а такой красивый, популярный. А потом всё стало меняться. Я: что, Саша, что происходит? Раздражительный, всё бесит, утром просыпается – и бесит всё, какие-то звонки, звонки. Это он деньги на спайс искал. А я же не знала, что он на спайсе. А он горстями курил, оказывается. Бычий кайф.

РОМА (*медведю*). Если бы можно было популярность на деньги поменять. Конечно, узнают, и работы много – там поснимать, там праздник, тут радио. Но денег в месяц максимум сорок выходит. Это максимум. А квартира съёмная, десятку берёт, на жрачку много уходит, почти всё. А надо же одеваться, в клубы, на отпуск. Никак пока не тяну я никакую семью. Особенно, с детьми. И айфон хочу к тому же.

СИМА. Вкусно?

РОМА. Очень.

СИМА. Готовлю хорошо, это у меня от отца. Повар. Буду тебя вкусно-вкусно кормить.

РОМА. Отлично.

СИМА. А летом поедим на Зябу? С лялькой. Потусим там. Викторию купим.

РОМА. Конечно, и викторию купим. Супер-план.

СИМА (*медведю*). И такой разбег у него стал короткий: то люблю, киса-муся, лапа, зая, обожаю, и тут же, без перехода – пошла на хер-заткнись-убью-дура ну и матом. Один раз на улицу прям в трусах выбежала – от него убегала. Страшно. Говорила: Саша, ну надо что-то делать. Он хотел что-то делать. Уже с БРАЗа попёрли его. Куда идти? Новую какую-то работу нашёл – выгнали. Уже все его в таком состоянии видели – что он валяется как бомж возле магазина в отключке, и возле подъезда, и звонили мне – приезжай, заberi. Я маме его говорила – надо что-то делать. Она его в церковь отвела. Не помогло. Опять врал, врал, врал, всех обвинял, мать послал на три буквы. Один раз заплакал: ну я правда хочу, зая, выкарабкаться. Позвонил в милицию – сдал продавцов. Ну а там как, найти нычку нереально, они же по интернету продают всё, место тебе говорят – приходишь и забираешь. Месяц в больнице лежал. Думала, ну вот, вернётся мой Саша прежний. Вернулся и опять.

РОМА (*медведю*). Главное, она не работает. Я бы женился, мы бы оба работали и всё нормально, но она не работает, пока ребёнок, то-сё. А подрастёт – сопли, болезни, снова не работать, на больничном сидеть, и расходы такие, знаю, у друга моего туда ползарплаты уходит, на ребёнка. И это чужой ребёнок. На фиг мне это надо? Тем более, айфон хочу.

СИМА. А расскажи ещё что-нибудь.

РОМА. Как-то суперменом был на детском празднике – в колготках и красных трусах, все дела. Выскакиваешь так: «Я – супермен!» И вот месяц прошёл, делаю временную регистрацию (у меня нет регистрации постоянной, от армии скрывался), делаю, значит, а там куча бумаг, надо заполнить, листы, листы, «Я никогда это не напишу!» - говорю, а барышня там сидела, которая бумаги принимала, она так меланхолично: «Ничего-ничего, вы справитесь, вы же супермен!» То есть, представь, десять минут она вообще виду не подавала!

Сима смеётся.

СИМА (*медведю*). Ну и умер он. Просто от спайса умер. И многие его друзья тоже – один повесился, другой от наркоты, третий разбился. Как себе мужа найти? Хорошо, есть Рома.

СИМА. Знаешь, очень важно, чтобы женщина тыл обеспечивала.

РОМА. Это ты к чему сейчас?

СИМА. Да просто, про детские праздники.

РОМА (*медведю*). Давит как медведь.

СИМА. А вот, скажи, как ты к наркотикам?

РОМА. Я? Неа, не употребляю.

СИМА. Ты идеальный.

РОМА. Рыбалку вспомнил. Мы, знаешь, по пьяни придумали: ловим маленьких карасиков, и берём тройник с крючком тройным, привязываем к бутылке пластиковой, и в воду. Карасик не умирает никогда, проверено, бутылка тихонько плавает по озеру – и вот где бешено забились, мы на вёсла и туда - там, щука, значит.

СИМА (*медведю*). Этот прокормит.

РОМА (*медведю*). Чувствую себя щукой.

СИМА. Ты ешь, ешь.

РОМА. Сегодня другу обещал помочь. Надо идти.

СИМА. Уже? Как жалко. Думала, телик вместе посмотрим.

РОМА. Пока.

СИМА. Когда увидимся?

РОМА. Позвоню.

23.

Надя и Наташа в музее. Надя и Наташа – переменные, музей постоянный. Надя и Наташа умрут, музей останется. А вот чего не хватает Братску, так это музея будущего. Будущее тоже нуждается в музее.

НАДЯ. Сердце рвётся на части, ходит пол ходуном, мы ошалели от счастья, встретившись с Падуном!

НАТАША. Нет, с Сибирью мы не расстанемся, вера юности горяча: в золотых огнях гидростанции пусть живёт мечта Ильича.

НАДЯ. Стань, Сибирь, светлым-светла, радуйся и радуй! Наказаньем ты была, сделайся наградой!

НАТАША. Эй, медведи, прячьтесь в лес робко, как воробышки! Едет Братская ГЭС с гитарой на верёвочке!

НАДЯ. В неизвестные края пенно и широко ты летишь, страна моя, первоэшелонно.

НАТАША. И недаром, полная пророчеств, будто бы бушующая мысль, ГЭС, ты по-бетховенски рокочешь, ГЭС, по-маяковски ты гремишь!

НАДЯ. Я на стройке, под Братском, порою смотрела часами, как в штормовках и кедах до рассвета студенты плясали. Комарьё надрывалось, радиола хрипела, твист давали ребята с полным знанием дела.

НАТАША. Мне не надо выше назначения – быть великой стройки рядовым. Встать у транспортёра, у опоки, с мастерком подняться на леса, чтобы о делах своей эпохи говорить от первого лица!

НАДЯ. Братск! Это пульс больших деяний и пульс высокой частоты, с любых широт и расстояний его услышать сможешь ты. Братск! Это слово, как братина, обходит братские уста. Стоит торжественно плотина – народной славы пьедестал.

НАТАША. Я вслушивался в ровный и покорный гул Ангары у горла Падуна, чтоб услышать победные аккорды, которыми наполнена страна.

НАДЯ. Супер!

НАТАША. Знаешь, мы всех порвём этими стихами. Такая энергия! Как наркотик! А людям же надо забыться. Кому эта реальность нужна унылая: зима, зима, перспектив нет, денег нет. И тут мы с Евтушенко.

НАДЯ. Там не только Евтушенко.

НАТАША. И тут мы на них обрушим это море энергии! Мы с тобой сами как ГЭС!

НАДЯ. А какие у нас теперь экскурсии! Пока ты отдыхала, так зажгли! Борис Петрович – ну прям вылитый Иван Иванович стал! Что-то, знаешь, в осанке, в голосе. И так много о нём знает, он как о себе рассказывает, всё-всё. И вот он в этой своей медвежьей голове выходит: «Я – гидромедведь!», дети пищат от восторга!

НАТАША. Потрясающе! Хочу посмотреть!

НАДЯ. Да, только приболел немного, выздоровеет – продолжим.

НАТАША. Ну ты, молодец, Надька! Вот не ошиблась, что тебя взяла!

НАДЯ. Наташа, зажжём!

НАТАША. Да! Не хватало у нас таких энергичных людей, мы с тобой тут такое устроим!

НАДЯ. В идеале – 3D проекция нужна. Ну, знаешь, живые фигуры, Иван Иваныч, Арон Маркович, все другие строители, они ходят, рассказывают. Ну или просто ходят, строят плотину. Представляешь?

НАТАША. Вау! Грандиозно! Я так хотела пожить как они, в центре вселенной. Они же реально в центре всего. К ним и министры отовсюду ехали, и Фидель Кастро, все поэты, художники. Они сами объединялись в когорты творческие по блеску глаз! Папа мой Ирригационный закончил, приехал из Ташкента, инженер, и тут взял гитару, организовал Гитурист – гитара плюс турист, и на Вихоревку, слёты, спектакли, театр Миниатюр, песни Визбора, Якушевой, Кима у костра, потом свои стали сочинять. Боже мой, ну вот на часочек бы попасть туда, в ту жизнь!

НАДЯ. Ты помнишь?

НАТАША. Я всё помню, ребёнком была, но всё помню. Бабушка из Ташкента яйца высылала в опилках – у них тут поначалу не было яиц. Зато камбалы много – они её называли «гидрокурица». Поросёнок в желе – они называли «поросёнок в железе». Много шампанского и компот ананасовый. Это был рай, настоящий рай.

НАДЯ. Смотрела кинохронику – такие молодые, белозубые, красивые, наверное, влюблялись направо и налево.

НАТАША. Рай.

НАДЯ. Я в какое-то не то время родилась. Надо было немного раньше.

НАТАША. Братск должен так и остаться в шестидесятых, на этапе строительства и первые годы, в шестьдесят шестом запуск плотины, ликование – вот это всё.

НАДЯ. Наташа, мы в музее. Теперь весь город – музей.

НАТАША. Это моя мечта – город-музей.

НАДЯ. А теперь как жить, в наше время?

НАТАША. Не выходить отсюда. На входе очки для 3D и всё, живёшь.

НАДЯ. А меня мужик бросил.

24.

МИША. Привет.

ГОЛОС. Привет.

МИША. Как ты?

ГОЛОС. Нормально.

МИША. Я всё думаю: где ошибка? Молчишь.

ГОЛОС. Миша, ты по делу? В понедельник нас разведут.

МИША. Может, не надо нам разводиться?

ГОЛОС. Это фантомные боли.

МИША. Что?

ГОЛОС. Фантомные боли.

МИША. Давай снова проверим.

ГОЛОС. Во вторник уезжаю.

МИША. Когда вернёшься?

ГОЛОС. Насовсем.

МИША. Как насовсем?

ГОЛОС. Мы уезжаем жить в Москву.

МИША. Вика, что там делать, там нечего делать!

ГОЛОС. Мы найдём, что делать. Павлику работу предложили. Так что, если что, пиши в ватсапе.

МИША. Вика.

ГОЛОС. И ты тоже не кисни, переезжай.

МИША. Да?

ГОЛОС. Да. Переедешь?

МИША. Нет.

НАТАША. Миша, на сцену, пора.

Миша выносит на сцену какой-то прибор.

НАТАША. Уважаемые дамы и господа! Сегодня, когда будущее туманно, а настоящее напряжённо, мы можем опираться только на прошлое. Прошлое – территория, полностью завоёванная нами, она под нашим тотальным контролем. И на этой безопасной территории мы можем восстанавливать свои силы, как на курорте, можем набираться оптимизма, да можем вообще не выходить оттуда – скоро откроется продажа абонементов. Я лично выбираю эпоху с пятьдесят шестого по шестьдесят шестой – до официального открытия Братской ГЭС. Всё было понятно, всё было весело. А теперь давайте в прямом эфире протестируем наши звонки правды – новую разработку китайских учёных. Они создали специальное устройство,

которое заставляет говорить только правду и ничего кроме правды, – и используют его для выявления коррупции. Мы не будем идти по этому неправильному пути, мы просто позвоним нескольким людям, братчанам, чтобы узнать, чем живёт простой народ. Это случайная выборка, никто не знает, какой номер наберёт автомат.

Наташа делает знак, Миша запускает прибор.

НАТАША. Алло. Вы в прямом эфире. Включите громкую связь и уберите, пожалуйста, телефон от уха, чтобы мы могли видеть лицо. Как вас зовут?

Мы видим Валентина, он руководит погрузкой деревьев в тайге.

ВАЛЕНТИН. Валентин.

НАТАША. Как вы живёте, Валентин?

ВАЛЕНТИН. Работаю, продаю наш лес китайцам, леса осталось мало, восстанавливают только небольшой процент, так что после моей смерти его станет совсем ничего, от этого обмелеют реки и Байкал. Но зато у меня есть несколько квартир, одна в Питере, другая в Геленжике. Это существующий порядок вещей. Нельзя нарушать существующий порядок вещей. Поэтому я расстался с любимой женщиной – она бы нарушила покой. А я человек пожилой, у меня ритуалы. Утром обзваниваю своих друзей, они болеют, я их подбадриваю. А она хотела уехать, пожить другую жизнь. Но есть определённый порядок вещей.

НАТАША. Понятно, согласна с вами, спасибо, Валентин. Ну что ж, прибор работает, давайте наберём следующего! Алло, как вас зовут? Вы в прямом эфире, уберите телефон от уха и включите громкую связь.

Мы видим Симу в магазине компьютеров.

СИМА. Эй, что за шутки? Тётя Наташа?

НАТАША. Вот так да, Серафима! Ну что ж, как живёшь, Серафима?

СИМА. Живу хорошо, на днях рожаю, вот, продала машину умершего мужа, покупаю ноутбук, буду учиться. Пока не решила, на строительный идти или на архитектурный, или вообще взять курс на Курсере – там на английском учат. В общем, мечтала быть архитектором и теперь иду к своей мечте. Поехать никуда не могу пока, но ведь есть интернет. В Братске есть интернет, это хорошая новость. Меня бросил парень, и правильно сделал, мне надо уже повзрослеть. Спасибо, Рома!

НАТАША. Какие новости. Ну что же, спасибо, Сима, а теперь попросим Мишу сделать случайный звонок следующему жителю Братска. Алло!

ГЕНА. Алло.

НАТАША. Вас плохо видно, всё в белом.

ГЕНА. Это мука.

Гена протирает экран и мы видим его на кухне кафе, в костюме повара.

НАТАША. Как вас зовут и как вы живёте?

ГЕНА. Гена, повар, недавно взяли меня на работу в это кафе. Я всё время хочу выпиться, честно. Всем говорю, что не хочу, а сам очень хочу. Тянет. Когда выпьешь – всё такое нереальное, яркое, а когда трезвый – грустно. Сразу всё видно, всю реальность. Но я читаю книгу Вильяма Похлёбкина. Уже наизусть какие-то моменты. Например, кундюмы. Вы знаете, что это?

НАТАША. Нет. А что это?

ГЕНА. Проблема в том, что мы всё хотим забыть, ничего помнить не желаем. А это русское блюдо шестнадцатого века. Можно сказать, пельмени с грибами, только не варёные в бульоне, а сперва пекут, потом томят в духовке, раньше в печи было. Короче, тесто – замешать на растительных маслах и горячей воде – то есть, уловили, сочетание заварного и вытяжного. Дальше...

НАТАША. Всё-всё, пока достаточно, спасибо, Гена, мы идём дальше! Алло!

РОМА. Да.

НАТАША. Мы хотим видеть вас, кто вы?

Мы видим Рому, он сидит в библиотеке.

РОМА. Я Рома. А голос мой вы уже слышали.

НАТАША. Интересно, кажется, да.

РОМА. Доброе утро, Братск!

НАТАША. Да вы же работаете на радио, Рома! Как интересно! Как жизнь? Что вы делаете в библиотеке?

РОМА. Я бросил девушку, теперь мне грустно, потому что успел влюбиться. И вот пришёл в библиотеку имени Сербского почитать хорошие стихи. Отсюда из окна красивый вид, памятник Наймушину, а внизу ЗАГС. Все эти книги собрал Виктор Сербский, сын репрессированных по пятьдесят восьмой статье, его родителей расстреляли в тридцать седьмом за убеждения, как и несколько миллионов других невинных. А теперь в нашем городе закрыли общество «Мемориал», чтобы мы забыли про всех убитых.

НАТАША. Не будем о политике, до свидания, Рома! А мы переходим к следующему звонку, это будет последний. Алло! Представьтесь!

НАДЯ. Алло. Наташа?

Мы видим Надю на жд-вокзале.

НАТАША. Надя! Какое совпадение! Миша, расскажи, что ты тут нажимаешь.

НАДЯ. Я уезжаю, Наташ.

НАТАША. Куда?

НАДЯ. На запад. Мне хочется пожить другую жизнь. Не наступать на одни и те же грабли. Братск такой маленький. Ну как можно переживать роман с одним и тем же мужчиной три раза? Это же старость. Я хочу посмотреть какую-то другую жизнь. Буду работать няней, они нормально получают в Москве, устраюсь, просто увижу что-то новое, другие дома, других людей, они, конечно, не лучше, просто другой акцент.

НАТАША. А как же твой внук, Надя? Ты же вот-вот станешь бабушкой?

НАДЯ. Буду скучать. Раз в год приезжать. Оставила им квартиру. А там посмотрим. Хочу нарушить старый порядок вещей.

НАТАША. Спасибо, Надя! А теперь, уважаемые дамы и господа, или, если говорить современно, товарищи, давайте нырнём в нашу славную историю. Прикоснёмся к истокам. Давайте вспомним жизнь нашего великого Ивана Ивановича Наймушина. Это мини-спектакль, исполненный метафорически.

На сцену выходит медведь. За спиной медведя документальные кадры строительства Братской ГЭС и фотографии Наймушина. Но выходит Миша и выталкивает медведя со сцены. Миша надевает голову медведя, изготовленную Борей из шапки и старых газет. Но прежде, чем Миша нам что-то расскажет, мы должны отмотать время немного назад и посмотреть на Симу и Надю. Надя собирает сумку – не чемодан на колёсах (он уже собран), а небольшую хозяйственную сумку с продуктами в дорогу – всё же ехать 3 дня 4 ночи. Надя берёт кружку-термос, сахар-рафинад, пакетики чая с мятой, апельсины, минеральную воду, котлеты и пирожки с яблоком. Всё, больше ничего – Надя хочет худеть по дороге. Сима плачет внутри себя, не показывает. Надя обнимает Симу. Надя хочет сказать о том, что не бросает её, оставляет на Гену, теперь его очередь опекать, главное, чтоб не запил, конечно. Его родители тоже присмотрят за Симой. И что жизнь такая короткая, и так хочется растянуть её. И что, конечно, она вернётся, как же без внука, но так ужасно-ужасно хочется именно сейчас, раз уж не оттяпали ногу, пожить в другом, новом городе, пожить какую-то совсем другую жизнь, хотя бы годик-два. Но всё это Надя так и не говорит.

НАДЯ. Буду высылать тебе денежки. По скайпу буду звонить. И ты мне как проснёшься – сразу пиши: доброе утро, мол, мать. Ну всё.

Надя уходит.

МИША. Я хочу рассказать вам про Бориса Петровича Кошкина, простого инженера, не знаменитого, не великого. Маленького человека Кошкина. Спойлер: он умер три дня назад, его похоронили. Из родственников прилетела только одна дочь. Другим родственникам оказалось далеко и дорого лететь сюда к нам, в Братск. Тем более, посреди зимы, у них и одежды-то такой нет. Борис Петрович закончил Ленинградский электротехнический и мечтал попасть сюда, на строительство Братской ГЭС – ему хотелось прожить интересную жизнь. И вот его мечта сбылась, он приехал сюда, устроился работать, в тридцать один год стал главным инженером, головокружительная карьера. Они построили больше одиннадцати тысяч линий электропередачи – от Урала до Дальнего востока.

Я хочу рассказать о небольшом эпизоде – когда Борису Петровичу поручили строить сто девяносто восемь километров ЛЭП-220 от Хабаровска до Комсомольска, уже в восемьдесят первом году это было. Комсомольск замерзал: по батареям пускали холодную воду, только чтобы спасти радиаторы, освещение везде было тусклое, в магазине не видно товар на прилавках, хотя его там и не было почти. На заседании в горкоме

инструктор горкома спрашивал разрешения первого секретаря, чтобы включить свет – экономия жестокая. И самое печальное, вся трасса – болото. Делать нечего, надо строить линии – расчищать просеку, ставить опоры, натягивать провода. Они начали строить. Весь год за ними пристально наблюдали, но в газетах на всякий случай не писали – вдруг не успеют. Работали за двоих. Обком партии поставил крайний срок – двадцать второе декабря. Десятого декабря было готово не всё. Оставшиеся опоры надо поднимать с помощью авиации, но это большой риск – командир десятки (Ми-10) выходит из вертолётa весь мокрый, меняет одежду, и это зимой. Но если бы только Ми-10 – они поднимают десять тон, а то ведь шестёрки, восьмёрки, двойки даже – как поднимать? На одной ниточке двадцать километров. И вот снова обком. «Вы решение партии читали? Чтобы было сделано двадцать первого декабря!» Но Кошкин просит двадцать третье – на двадцать второе плохой прогноз, ветер, сильный мороз, люди работают на высоте голыми руками. «Пусть наденут перчатки!» Какие перчатки, там нужно голыми руками болты крутить. Кое-как он уговаривает партийных перенести на двадцать третье. И они поставили – двадцать пять опор за день. Один день и двадцать пять опор. Это был подвиг, и эти люди хотели совершать подвиг, как олимпийские чемпионы. Они хотели жить и становится сильнее, прыгать выше головы. Я буду скучать, Борис Петрович.

25.

Гена спит на спине, немного похрапывая через лёгкую улыбку. Ему снится каравелла с угловатой кормой, башенками, высоким бортом, бушпритом и четырьмя прямыми мачтами. По палубе бегают дети – это родные внуки Гены, похожие на него, весёлые и дерзкие. Сима кормит своего симпатичного мужа жимолостью (жимолость, протёртая с сахаром, – отличное средство для укрепления иммунитета). Гена видит себя с канатом в руках, в матроске, тугие белые паруса каравеллы гонят её навстречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре.

КОНЕЦ

2016 год